

Анна Александровна Люблинская

**«Никто не жалуется, не ворчит, не стонет...».
В борьбе за детей. Записки ленинградской
дошкольницы.⁴⁵ Ленинград, 1942 год**

Сотрудники Музея истории школы Карла Мая каждый год готовят списки бывших учеников Гимназии и Реального училища Карла Мая (а также преемников школы — Советской единой трудовой школы, 6-й артиллерийской спецшколы, школы № 5). Для нас это еще одна возможность вспомнить и почтить память тех, кто здесь учился. Так в нашем списке оказалась Анна Александровна Люблинская.

Кто она? Если коротко — педагог, психолог, профессор Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена. Но для нас ведь этого мало. Помог случай. К нам в музей на 14-ю линию Васильевского острова часто заходит наш большой друг Константин Гаврилович Бойков. Случайно в разговоре узнаём, что он много лет дружит с сыном нашей героини Дмитрием Сергеевичем Люблинским (по отцу Алексеевым).

Один звонок, и вот мы уже идем в гости на Петроградскую сторону. Дверь нам открыл очень гостеприимный сын Анны Александровны. Нас пригласили в гостиную, и уже через минуту потекла неторопливая беседа о довоенном времени, о блокаде, которую пережила в Ленинграде не только наша героиня, но и два ее маленьких сына. Три часа пролетели как один миг. Слушали увлекательный рассказ собеседника, затаив дыхание.

О чем рассказывал Дмитрий Сергеевич? Об истории своей многочисленной семьи, когда-то давно, в 1802 году, переехавшей в Петербург из Люблина, вследствие чего получившей фамилию Люблинские. О том, как по-разному

⁴⁵ Специалист, работавший с детьми дошкольного возраста.

Семейство Люблинских. Анна Александровна, выйдя замуж, сохранила «родовую фамилию». На снимке она крайняя слева в верхнем ряду. 1912–1913 год

Анна Люблинская, середина 1920-х годов

сложились судьбы членов семьи после революции. И, конечно, о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда.

Мама нашего собеседника, Анна Александровна Люблинская, родилась в 1903 году. Окончив в 1921 году 15-ю Единую трудовую школу (бывшую гимназию Карла Мая), поступила в Ленинградский педагогический институт дошкольного образования (в будущем вошедший в состав Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена). В дальнейшем она занималась в основном проблемами изменения системы начального обучения, подготовив многочисленные учебные пособия по психическому развитию ребенка.

В декабре 1940 года защитила диссертацию и получила ученую степень кандидата педагогических наук.

Началась Великая Отечественная война. Анна Александровна вместе с двумя маленькими сыновьями осталась в блокадном Ленинграде. Педагогический институт, где она работала в то время, эвакуировался. Она получила должность воспитателя в 15-й детсад Петроградского района. Первую блокадную зиму она была воспитателем в детском саду на Съезжинской улице, 18-20, а с конца апреля 1942 года была переведена на должность заведующей детсадом на улице Скороходова, 12, где работала до августа 1943 года.

В нашей беседе с Дмитрием Сергеевичем выясняется, что его мама оставила после себя записи о том периоде, когда в это тяжелое для города время стала заведующей детским садом. Мы просим разрешения познакомиться с этой рукописью, напечатанной на пишущей машинке. Читаем их несколько дней: не потому, что записи длинные, а потому, что просто порой перехватывает горло, когда читаешь то, что писала Анна Люблинская. Надо время, чтобы передохнуть, успокоиться...

Детская группа сотрудников Эрмитажа, в которую в 1933 году Анна Люблинская поместила своих сыновей — Дмитрия и Михаила. Под «детский очаг» в Эрмитаже было выделено несколько помещений, этот снимок сделан в спортивном зале.

По воспоминаниям Дмитрия Люблинского, семья жила тогда на 3-й линии Васильевского острова, Анна Александровна работала в Педагогическом институте имени Герцена и отводила и забирала своих детей по дороге на работу и обратно. Воспитанникам детского сада устраивали экскурсии по залам Эрмитажа. Больше всего, по словам Дмитрия Люблинского, ему запомнился, разумеется, Рыцарский зал

*Анна
Люблинская
с сыновьями —
Дмитрием
(слева)
и Михаилом
(справа).
1938—1939 год*

Мне приходилось немало читать о блокаде, но эти записки — не самая известная страница в этой истории. Молодая женщина из интеллигентной ленинградской семьи стала фактически тем человеком, от действий которой

*Анна Люблинская перед войной.
1939—1940 год*

зависели жизни десятков крошечных ленинградцев и двух ее собственных сыновей. Откуда она брала силы, чтобы добывать дрова для отопления детского сада, биться за каждый кусочек хлеба для малышей, из дня в день по нескольку раз бежать под обстрелами в бомбоубежище с малышами и при этом еще стараться, чтобы все это не испугало их, и так уже напуганных до полусмерти?

Представить сейчас это трудно. Но они выжили! И никогда не считали себя героями. Просто так было надо. За этот подвиг в годы войны (а что это, если не подвиг?) Анна Александровна была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

После войны Анна Люблинская продолжала заниматься любимым делом: работала в ЛГПИ им. А.И. Герцена,

где в 1958 году защитила докторскую диссертацию на тему «мышление ребенка». В 1963–1975 годах заведовала в «родном» институте кафедрой педагогики и методики начального обучения. Ушла она из жизни 26 июня 1983 года, похоронена на кладбище крематория Ленинграда (4-й участок).

Несколько слов — о сыне Анны Александровны. Дмитрий Сергеевич Люблинский — представитель уникального послевоенного поколения ленинградских яхтсменов, чемпион СССР, победитель Балтийской регаты, неоднократно призёр всесоюзных соревнований. На протяжении многих лет он возглавлял Совет капитанов яхт-клуба. А еще он настоящий хранитель традиций Санкт-Петербургского Речного яхт-клуба: его усилиями была создана уникальная «Книга памяти» ленинградских яхтсменов — несколько томов, в которых по крупицам собрана история клуба в лицах, фактах, событиях.

В конце нашей беседы Дмитрий Сергеевич с гордостью показал нам фотографии и огромные тома этой «Книги памяти». Это еще раз доказывает, что Анна Александровна не только спасла десятки жизней маленьких ленинградцев, но и воспитала достойных сыновей!

Татьяна Тюлюкина

Это не историческая повесть и не дневник. Это не летопись и не мемуары. То, что изложено в этих записках — это, если хотите, очерки из жизни рядового детского учреждения в тяжелый год войны, в незабываемую зиму 1941/1942 года.

<...>

Бомбы падали с самолетов, летели осколки снарядов, бушевало пламя пожаров, голод высасывал жизнь, болезни подрывали силы, люди слабели и гибли... падали и умирали... Но умирали не все. Тот, кто крепко стоял на ногах, тот, кто полон был жажды жизни, чьи силы удесятерились крепкой уверенностью в победе, кто сумел быстро и гибко перестроиться, применяясь к все более и более усложнявшимся условиям жизни, — тот выдержал этот шквал, эту жестокую схватку со смертью и устоял.

Но в нашей стране и в нашем городе в этот год, как и всегда, были такие люди, которые еще не могли сами бороться с этой яростной бурей... Были дети, эти маленькие люди, которые погибли бы все, если бы в нашей стране не было людей, которые встали на защиту малышей. Они развернули отчаянную борьбу за них, открыли широкий фронт борьбы за эти маленькие дорогие жизни. Этот фронт борьбы за детей имел свою тактику и стратегию, имел свои жертвы и своих героев; этот фронт имел свои будни и свою историю. Вот об этих буднях нашей жизни, об эти днях борьбы за наше будущее, за наших малышей в блокированном городе — говорят данные очерки.

В кипучей и напряженной жизни детского сада незаметно мчались дни, недели и месяцы. Поэтому я не пытаюсь сохранить строгую историческую

последовательность описываемых событий, прошедших в тот год в детском саду.

Сотни дошкольников участвовали в борьбе за жизнь малышей. Вот об этой необычной борьбе, которую вели женщины и молодые девушки Ленинграда без оружия и снарядов, без танков и самолетов, вооруженные только стойким мужеством, глубокой любовью к детям и созданием своего долга перед их отцами-фронтовиками и перед всем советским народом и говорят данные очерки.

1

Темная ночь. Крепкий мороз сковал даже воздух. В коридоре детского сада светится маленькая «коптилка». Все разошлись: кто домой (те, которые живут близко), другие — в групповые комнаты, где они ставят детские раскладушки, трое взрослых легли в кухне, у остывшей плиты. Так холодно везде. Я дежурю. В ватнике и платке обхожу спальни. Ребятки спят одетые, на стульях у кроваток лежат наготове их пальтишки, шапки, валенки.

Выхожу на улицу. Январская ночь светла и холодна. Прожектора шарят по небу. Еще не поздно. Только десять часов вечера, как будто город спит... Нет, не все спят... вот скрипит калитка, и две женщины входят во двор, приближаются к крыльцу. Каждая из них несет что-то большое, завернутое в пальто и шали...

«Вот деток к вам принесла. Я пришла сегодня с дежурства, — рассказывает одна из женщин. — Послушала, тихо что-то у соседей в комнате. Зашла, уже темно, позвала — никто не ответил. Мать давно уже лежала... Как подошла к кровати, посветила на нее, вижу, уже мертвая, совсем холодная лежит, наверное, еще прошлой ночью умерла, а эти двое детей рядом с мамкой лежат и сами уже замерзают. Вова-то меня признал, только жалобно посмотрел и все есть просит, а Валюшка и говорить не может, холодная совсем. В комнате, сами знаете, стекла выбиты, темень, холод. Вот подумала, управхозу сказала и к вам принесла... Надо спасать детишек, отец на фронте».

Детишек надо спасать. Прежде всего бегу на кухню: там еще есть большой чайник с теплой водой. Бужу всех, кто ночует в детском саду. Быстро подбираем белье, которое собирали в покинутых квартирах. Разворачиваем тряпье, вытаскиваем детишек... Одежда на них шевелится от массы вшей, лица, уши, руки черны от грязи; вокруг ротиков — болячки и пятна чего-то зеленого и скользкого. А сами они — разве это человеческие дети? Эти желтые, иссохшие скелетики с кажущимися громадными голыми черепами. Волосы все вылезли, грязная шелушащаяся от сухости кожа обтянула, как пергаментом, скулы, над которыми чернеют глубоко провалившиеся стеклянные, круглые, какие-то мутные глаза мертвеца...

Неужели это наши ребята? Которых мать лелеяла и ласкала, которых с любовью и лаской купала, одевала, кормила, отдавая им все свои заботы,

всю свою нежность. Неужели это те ребята, которых ждет увидеть их отец, выслеживающий сейчас врага из ледяной траншеи?

Их надо спасать, надо вернуть им человеческий облик и вырвать из острых когтей смерти, которые уже тянутся к этим едва теплящимся жизням.

Мы осторожно купаем в тазу у плиты этих заморышей, переодеваем их в то, что удастся подобрать и, напоив горячим кипятком, укладываем около плиты на раскладушках. Со следующего утра начинается осторожная, но упорная борьба за этих ребятшек. Накормить их досыта и нечем, и нельзя. Но даже и обычная в детском саду тарелка жидкого супа, порция соевой каши на второе, завтрак, полдник и ужин, все это слишком большая нагрузка для истощенного детского организма. Мы знаем, как возникают у таких изголодавшихся людей жуткие поносы, которые в 2–3 дня сводят в могилу таких дистрофиков. Но их надо подкормить и поправить.

Вот сидят маленькие старички, высоко подняв плечи и втянув в них тонкую шею, крепко прижав к туловищу руки. Они прижимаются к печке и тянутся к теплу, так как промерзли, кажется, до внутренностей. Никакие свитера, шарфы и курточки их не согревают. Они постоянно мерзнут и неохотно вылезают из-под одеяла. Все им кажется чуждым, ничто не привлекает их внимания. Они безучастно относятся ко всему, что происходит вокруг.

Уперев в одну точку неживые и потемневшие глаза, эти четырех-пятилетние дети смотрят на всех пустым взглядом старика, испытавшего всю гнетущую тяжесть глубоких, длительно преследующих человека невзгод, всю полноту опустошающего горя, которое постепенно тушит живой блеск ясных здоровых человеческих глаз.

Мы не можем даже держать этих ребят постоянно в кровати, потому что в детском саду вообще комнаты групповые, и спальни не отапливаются. Дети спят в бомбоубежищах, а днем «дежурная группа» в 30–40 человек запихана в проходную в проходную комнатку, бывшую раздаточную, между черным крыльцом и кухней. Это те несчастные дети, матери которых, потеряв последние силы в борьбе за жизнь свою и этих малышей, либо лежат дома, ожидая такого же конца, который постиг маму Вали и Вовы Копыловых, либо они замерзли, уйдя из дома и не вернувшись, и детей привели в детский сад чужие люди. Либо родители этих детей ютятся по подвалам, канцеляриям и цехам своих холодных заводов, контор и учреждений.

Вопреки всему они работают, в холоде и темноте, вращая станки опухшими кровотокающими руками, а ночью падают без сил там же около станков и столов, забываясь голодным и тяжелым сном. Им некуда уйти: дом разбит, стекла вылетели вместе с рамами, штукатурка засыпала исковерканные вещи — там ходит злой мороз и холод разрушения и смерти...

Мы осторожно кормим наших деток, следим за их стулом, делим на 5–6 раз их маленькую порцию хлеба и всю еду, чтобы не перегружать их желудки, совсем разучившиеся принимать и переваривать пищу. И сколько же радости, сколько глубокого счастья, гордости и восторга испытывает каждый из нас, когда мы начинаем замечать, как постепенно начинают

выравниваться ямы на провалившихся щеках, как начинают крепнуть ножки, как исчезают противные морщины на их сухой коже. Как радостно мы делимся нашими наблюдениями: «Сегодня Валя уже смотрела картинку». «А вы заметили, что Вова уже сам подошел и сел сегодня за стол». «Вы бы видели, как сегодня Сережа играл с кубиками» или «как вчера вечером Томочка тихонька сама рассказывала что-то кукле».

Да... эти Томочки, Сережи, Вовы, Валюшки оживают, оживают от наших забот. Они снова становятся людьми. Они начинают ходить, жить, говорить, интересоваться окружающим; они начинают проявлять человеческие чувства — ласку, участие, досаду, удивление. Их глазки понемногу приобретают свой прежний блеск. И, наконец, правда ли это? Слышите, это они смеются! Смеются весело по-детски, беззаботно, но еще как-то робко, несмело.

Как мало нужно для того, чтобы зазвучал этот радостный голос детской жизни? Красный шарик, который катается по полу и, ударяясь о ножки столов и стульев, отскакивает в самых неожиданных направлениях, вы-зывает у ребят радость, детский дорогой смех... Он говорит нам о сохраненной человеческой жизни. Эти ребятки и еще тысячи, десятки тысяч таких, как они, спасены усилиями воспитателей и нянюшек детского сада от голодной мучительной смерти. Но многие уже никогда больше не засмеются. Десятки тысяч и миллионы трупов взрослых и детей покрывают нашу землю. Они взывают о мести, они требуют еще больших сил для борьбы.

2

Еще тянется холодный, почему-то мучительно длинный в этом году тем-ный январь. Все еще тянутся морозные дни, захватывающие дыхание, останавливающие кровь, леденящие руки, лицо. Почему-то в этом году зима необычно сурова. По улицам постоянно встречаются высохшие измученные люди.

Впрочем, они когда-то были людьми, сейчас это желтые ходячие мертвецы с висящими складками пустой кожи на руках, на лице, на теле. Многие из них, едва передвигая ноги, тянут саночки, а иногда просто листы фанеры, на которых отвозят к Неве трупы своих близких. Впрочем, чаще всего, потеряв остатки сил, живые оставляют своих мертвецов на улице, а иногда ложатся рядом с ними и умирают. На улице.

Как-то раньше никто из нас не представлял себе этот ужас голода, постоянного, жгучего и мучительного своей беспросветностью.

Уже 12 часов дня... Плита жарко топится. Она вся уставлена котлами и кастрюлями. Но почему-то кухарка и ее помощница спокойно сидят около плиты. Нервно смотрят на часы завхоз и заведующая, а каждый из вновь входящих взрослых спрашивает: «Еще не привезли?».

Да, уже первый час дня, пора кормить детей обедом, а с базы все еще ничего не привезли, плита уставлена сейчас котлами с чистой водой. Запаса

Воспитанники детского сада у Казанского собора

провизии в кладовой у нас нет ни грамма. Кладовая совсем пуста, и мы ждем с мучительным напряжением, ждем все — и няни, и дети, и педагоги, и заведующая, когда и что привезут с базы? А желудок внятно говорит уже, что время обеда пришло... Оно так рано приходит теперь, а потом так долго тянется до вечера...

Вдруг дверь открывается. В клубах пара, окутанные седым морозом, заиндеветшие до глаз, входят с ведрами и мешками наши девушки. «База пришла, база пришла!» — разносятся радостные крики детей... Мы все собираемся на кухне... Но какое разочарование. Почти ничего не привезли... немного жилистого мяса и морковное повидло. Мясо сразу опускаем в кипящую воду. Но чем засыпать этот бульон? Что дать на второе? Чем кормить сегодня вечером и чем напоить завтра утром этих 30 детишек, которые жадными глазами следят сейчас за всеми движениями взрослых и прислушиваются к их разговорам и тех 120 детей, которые сидят сейчас дома в холодных, нетопленных и темных квартирах. Они сидят на кроватях, закутанные в одеяла поверх всех свитеров и пиджаков, которые только нашлись дома. Их несчастные матери уже собираются у нас в вестибюле со своими кувшинчиками и кастрюльками... Они торопят нас с обедом, ведь дома ждут их голодные дети!

Что делать?.. Чем накормить?.. Пускаем в ход всю фантазию... Комбинируем мясо с повидлом, наконец, выход найден. Бульон будет пустой, но все же это бульон. Мяса дадим по кусочку на ужин. Конечно, его очень мало и там много жил, но все же это мясо... А сейчас на второе мы раскрываем на свой риск ящик с сухарями, спрятанный в бомбоубежище. Таких три ящика находятся у нас в запасе. Сейчас некогда раздумывать. Все приходит в движение. Быстро размачиваем сухари, немного жарим их и затем смазываем повидлом...

Дети ждут с голодной жадностью и нетерпением. Обед опаздывает на полтора часа. Матери волнуются, кричат, многие плачут. Мы раздаем обед на дом и кормим нашу группу детей. Очередь быстро рассасывается... Укладываем наших ребятишек в дымном сыром бомбоубежище. Они сразу засыпают.

А мы, взрослые?.. Вот уже в четвертый раз мы все — няни, воспитатели, заведующая, прачка, бухгалтер — привезли оледеневшие огромные бочки и ведра с одой с Невы. Мы втаскиваем их на кухню и забиваемся в наш любимый угол за плитой. С нахмуренными бровями с сосредоточенным взглядом мы отогреваем свои окоченевшие руки...

Так хочется есть! Но нам, взрослым, достается только по одной тарелке пустого бульона. Его едят молча и без хлеба. Он съеден еще утром за завтрашний день, а большинство из нас, тоже матери, мы оставляем свой хлеб детям и, кажется, забыли его вкус...

Едим молча и медленно. Хотим протянуть подольше эту радость ощущения горячей пищи... Так хочется есть!! А мы так быстро опустошаем наши тарелки! Их можно не мыть. Подражая детям и не стесняясь друг друга, мы вылизываем их начисто языком, и хочется выжать из этого

белого гладкого фаянса еще хоть немножко еды, еще хоть чуточку сытости. Нет, все!.. Мы снова молча надеваем свои порванные, замерзшие и негнувшиеся рукавицы, закутываемся в платки и шали и идем пилить бревна, которые притащили волоком из-за города, где разобрали чей-то деревянный дом, а некоторые снова идут за водой на Неву. Ведь надо затопить печку в бомбоубежище, да и на завтра воды не хватит. Ведь надо вымыть наших ребят, и кое-что постирать для них. Но в первую очередь надо вытаскивать грязные ведра из уборной и с помоями...

Молчаливо, плотно сжав зубы и крепко сдвинув брови, расходимся из тепла снова на мороз, снова на ветер, усталые и даже как будто еще более голодные, чем раньше. Однако никто не жалуется, не ворчит, не стонет. Мы рады, что сумели накормить сегодня детей, ведь это главное. А взрослые? Ну что же, мы подождем, что привезут с базы завтра. Может быть, завтра и нам что-нибудь достанется поесть.

3

У-у-у-у... у-у-у-у... гудит, завывая, сирена. Этот, за душу хватающий, полный тревоги вой, ревуший разными голосами, кричащий о надвигающейся опасности: «Бегите, скрывайтесь... враг близок!».

В детском саду все ребята уже привыкли к этим сигналам воздушной тревоги. И взрослые, и дети выслушивают эти сигналы с какой-то удивительной спокойной деловитостью. Все знают, что надо делать... именно делать, а не переживать. Дети только что спокойно сидели за играми, но пальчики их всегда наготове...

Педагоги, няни, бухгалтер — бросают все дела и бегут в раздевалки, шелкают дверцы шкафчиков; старшие быстро одеваются сами и бегут в бомбоубежище. Если кто-либо из взрослых не сдержит своей тревоги и неосторожно крикнет на детей или друг на друга, если не на месте фонарь или потеряны спички... тревога, как искра, заражает детей. Тогда они волнуются, начинают плакать, некоторые малыши, уже испытывшие ужас разрушений, отчаяние развала и страх бомбежки, — судорожно цепляются за няню, за руководительницу, ища у них защиты и покоя... Быстро, быстро, скорее в бомбоубежище! Прячьте наших ребят, спасайте малышей от бомб, несущих смерть и сиротство.

Мы бежим со своими группами по бомбоубежищам. Детей много: мы прячем их в подвалах соседних домов. Для этого надо пересечь два двора. В помещении нашего детского сада нет ничего похожего на бомбоубежище.

Скорей, скорей!.. Уже идет воздушный бой. Зенитные батареи работают непрерывно. Все небо покрывается белыми маленькими облачками разрывов... Между ними ныряют самолеты... Это наши или «их»? Вражеские? Разве есть время разбирать?! И вести наблюдение за воздушным боем?!..

Бежим через двор. На одной руке несущего малыша. Судорожно вцепился он в мою шею и прячет свою мордашку в мой воротник... «Боюсь...

боюсь!..» — вздрагивает он. Пробую шутками заглушить его страх. Бежать быстро нельзя: нет сил. Ноги какие-то ватные... Голова кружится. Больше всего боюсь упасть с ребенком на руках.

Каким далеким кажется этот путь через два двора до бомбоубежища! Как поздно дан сигнал!.. Кругом уже падают осколки... Наконец, спускаемся в подвал. Ну вот, кажется, благополучно. Рассаживаем детей по скамейкам. Темно, едва при свете фонаря видишь всех 30 детей. Считаю детей по головам...: двадцать девять! Где же еще один? Пересчитываю раз, другой... Нет, их двадцать девять. Кого же нет?

Мучительная тревога закрадывается в сердце. Неужели кого-то оставили «дома»? Переключку делать некогда. Витя Рыбин здесь? А Коля Вахмистров? Эти всегда залезут в умывалку или в уборную и займутся разговорами, забыв обо всем... Оставляю детей с няней и вторым педагогом, бегу обратно в дом. Грохот обстрела чаще и ближе. Где-то тарахтит пулемет, рядом падают осколки... вот посыпались мелкие зажигательные бомбы. Вбегаю в дом по лестнице вверх... в группу.. — никого! В уборную — никого!

Сбегаю вниз на кухню, снова вверх в раздевалку, и неожиданно мое внимание привлекает чутьдвигающаяся дверца детского шкапа для пальто. Кто тут? Галя Авилова? Зачем ты здесь в шкапу от пальто? Она лишь второй день в детском саду, и ей показался самым безопасным этот темный шкафчик, где ее никто не увидит, никто, даже немец со своего самолета...

Забираю ребенка. Немного переждем — обстрел... очень частый, скоро будет пауза в грохоте и пальбе. В это короткое мгновение бежим в бомбоубежище. Ну, наконец, теперь все дети здесь. Пересчитываю, снова... Все тридцать — налицо, здесь они как будто в безопасности — в темном, сыром и тесном подвале.

Наверху отчаянно борются наши ястребки с лютыми стервятниками. С грохотом, скрежетом рушатся дома от полутонных бомб, засыпая кирпичами и железом людей, стоящих на крышах домов и сбрасывающих зажигательные бомбы. Фашистские бандиты разрушают своими бомбами самые лучшие дома нашего красавца-города, уничтожают жизнь наших людей, убивают, режут, насилуют; это они загнали сейчас в глубокий подвал десятки тысяч маленьких детей, и они сидят там испуганные и покорные, притихшие и такие беспомощные.

Мы стараемся отвлечь внимание детей от этого грохота, от этих ударов и взрывов, отголоски которых проникают даже сюда, в глубокий подвал. Я начинаю рассказывать длинную историю, которую выдумываю тут же, вплетая в нее самые фантастические превращения, невероятные приключения, неожиданные эпизоды.

Внимание детей занято. Широко открытыми глазами они смотрят мне в лицо и забывают обо всем. Но проходит время... тревога длится уже второй час. Мы затеваем игры за столами. Дети читают стихи, мы рассматриваем картинки. Но как мучительно тянется время... Дети начинают капризничать и ссориться между собою: они устали сидеть без движения, устали от темноты, от неудобной одежды... от тесноты помещения, уста-

ли от напряженности ожидания сигнала отбоя воздушной тревоги. Они проголодались и озябли...

А бой наверху продолжается... Дети вздрагивают от сильных ударов, грохот взрывов не прекращается... и мы снова что-то выдумываем, поем песни, раздаем листки газетной бумаги старых обоев для рисования... Уже четвертый час сидят дети, томительно и тяжело тянется время. Вдруг открывается дверь, и наша няня, которая никогда и ничего не боится, появляется с чайником, с блюдом хлеба и с корзинкой, в которой лежат чашки; теперь мы можем согреть детей полдником. Они немножко оживают... но время близится к пяти часам, а сигнала отбоя все еще нет!!!

Скоро ли прозвучат эти знакомые звуки, радостнее которых не было для ленинградцев в ту зиму? Скоро ли мы выйдем из подвала и узнаем, какие еще несчастья принесла сегодняшняя бомбежка нашему городу, нашим товарищам, и кто из наших ребят осиротел в этот день.

4

Уже в третий раз мы эвакуируем детские дома из Ленинграда в глубокий тыл страны. Собранные со всего города, найденные в разных домах, в опустевших квартирах и комнатах дети разного возраста, либо через детские сады и детские приемники, либо заботами отдельных чужих людей попадали в детские сады. Эти учреждения активно и безотказно выискивали и принимали всех осиротевших, покинутых ребят.

Их находят всюду: на лестницах разбитых домов, во дворах, на свалках, в комнатах и подвалах, на улицах, около магазинов. Их приводили разные люди: случайные прохожие, управхозы, милиционеры, соседи по квартире, специальные инспектора, педагоги, дворники. Старшие дети приходят сами и приводят с собой своих младших братишек и сестреночек.

Широкой волной вливается в двери детских учреждений поток бездомных осиротевших детей, лишенных родительской любви, заботы и ласки.

Еще неделю назад мать Оксаны и Гали приходила в детский сад за своими прелестными девочками. Ценой героических усилий, ценой невероятного напряжения, ценой собственного здоровья протащила эта мужественная женщина всю тяжесть борьбы через зимний мрак, холод и голод. И вот теперь, когда дети начали понемногу поправляться и крепнуть, когда напряжение борьбы как будто несколько ослабело, упала выносливость, выдохлись силы, и мать свалилась, сгорела в два дня. Девочки остались у нас.

Женю Рыбкина привел в детский сад отец. Он случайно приехал с фронта в город. Как всегда его мотоцикл остановился у знакомого подъезда. Как уже несколько раз прежде, с нетерпением рванул он дверь своей комнаты. Но в этот раз он увидел своего Женю одного. Мальчик сидел в пальто и в шапке под столом и с жадностью уплетал горбушку хлеба и селедку — запоздалую помощь соседей... а на двух кроватях белели трупы бабушки и матери, скончавшихся одна за другой в течение двух дней.

*Блокадный
детский сад*

Мать Вовы и Риты Устименко была найдена без сознания во дворе детского сада, и ее не успели довести до больницы...

Боря Иванов так и не уходил из детского сада домой. После очередной бомбежки за ним что-то долго не приходила всегда веселая и бодрая мама. Мальчика уложили спать. Наутро мы узнали, что у Бори не осталось ни дома, ни квартиры, ни мамы, ничего...

Мама Вити Дергача и Вити Матвеевко так и не вернулись из больницы, и мальчики прямо из детского сада попали в детский дом.

Лена Романовская привела братишку Юрика на третий день после того, как бабушка ушла за хлебом и не вернулась домой.

Таню Кузнецову принесла соседка в бессознательном состоянии, а когда девочка пришла в себя, она все время кричала, что убила свою дорогую мамочку, что если бы она вечером не съела своего ужина и не заснула бы так крепко, мама осталась бы жива. В течение полутора месяцев этот бред не прекращался.

Мишу Неизвестного привез на саночках постовой милиционер. Сначала эти саночки везла Мишина мама... Она шла по Кировскому проспекту, вдруг раздался противный свист снаряда, удар, разрыв... посыпались осколки снаряда, кирпича, стекла... Мама упала лицом прямо в снег. Миша остался сидеть в саночках и его привез милиционер.

Колю Денисова мы нашли одного в пустой большой квартире из восьми комнат. Обходя дома в поисках покинутых детей, мы зашли в большую, когда-то красивую, сейчас — темную квартиру. Дверь открыта. Из темного коридора несет смрадом и сыростью. Открываем одну комнату, за ней другую, третью. Везде одна и та же картина. Это жилье, покинутое живыми. Оно населено мертвыми.

Вот в комнате на кровати лежит уже потемневший высохший труп; кругом невообразимая грязь и беспорядок. Вся кровать, пол, стулья загажены и заплесканы; на полу стоят лоханки, ведра и горшки с замерзшими нечистотами. Вот в большой комнате в кресле у окна сидит мертвый мужчина. Кругом только мертвые. Уже заканчивая обход этой квартиры-кладбища, мы неожиданно слышим стон... Правда ли это? Не подводит ли нас непосильное напряжение нервов?.. Нет! Верно, не то стон, не то вздох где-то рядом, около кухни. Бежим туда.

В маленькой темной комнате без окна, среди груды вонючего тряпья, лежит мальчик лет двенадцати. Он единственный живой человек в этой квартире. Он ничего не ел уже три дня, с тех пор как соседка взяла его карточку на хлеб и ушла, унося с собой и хлеб и его жизнь. Лишь позднее мы узнали, что его отец на фронте, мать умерла в больнице на прошлой неделе, а сестра, забрав все теплые и более ценные вещи, эвакуировалась со школой ФЗУ, бросив его в пустой мертвой квартире совсем, совсем одного.

Да можно ли перечислить все способы, которыми умирали люди в эту зиму?! Можно ли пересказать все пути, которыми дети шли из своей родной семьи в большую крепкую и любящую семью советской общественности? Но каким бы ни был этот путь, он привел их всех сейчас в детские дома...

Мы снаряжали наших найденышей, наших приемышей с нежной лаской и любовью. Мы старались дать им красивое платье, цветной бантик, вышивали носовые платочки, собирали теплые вещи и передавали детей в детский дом окрепшими, чистыми и спокойными.

И детские дома выкачивали и выкачивали этих беспризорных ребят, этих сирот из борющегося в смертельной схватке большого города.

Вот тянется по перрону вокзала группа детей с белыми нашивками на рукавах. На них написано: Ленинград, Петроградский район, 42-й детский дом и ниже вышита фамилия ребенка. Тут наши — Романовская, Устименко, Рыбкин, а вот Наташа Безымянная — ее фамилия так и осталась неизвестной; за ней идут два малыша: Валя Съезжинская и Геня Посадский — эти ребятки сумели только пролепетать свои имена и записаны по названиям тех улиц, на которых найдены...

Бесконечно тянутся по перрону вокзала колонны детей с белыми повязками на рукавах... В глубокий тыл, подальше от пережитых ужасов голода, бомбежки и смерти отправляет Ленинград своих осиротевших детей. Вот невинные жертвы гитлеровского бандитизма, вот где наглядно демонстрирует война весь свой ужас, всю глубину человеческого горя.

За один день из одного лишь Ленинграда эвакуировано 1500 детей-сирот. Только по Петроградскому району в течение марта — апреля эвакуировано 480 детей.

Пусть трепещут немецкие изверги от этой армии сирот, отцы которых, братья, родные и чужие отомстят в тысячу крат за их сиротство и горе.

Дети вырастут в новой большой и дружной семье. Нет на нашей Земле ни одного человека, который не носил бы в своем простом и горячем сердце большой, глубокой любви к ребенку, тем более к ребенку, пострадавшему

от войны. И в какой бы город или далекий уголок нашей страны ни попал ребенок, какой бы номер детского дома ни был бы вышит на повязке, нашитой на его рукаве — он везде найдет ласку и внимание, заботу и любовное участие сотен тысяч людей, отца и мать, в груди которых бьется большое сердце настоящего советского человека.

5

Теперь уже ясно, что зима кончается. Приходит весна, а с нею солнце! Свет! Тепло!.. Неужели это правда? Неужели это на самом деле весна? Снова блестит солнце, снег тает, ручьи бегут по улицам, подмывая сугробы и разливаясь по дворам и панелям. Правда, к ночи земля еще подмерзает, и ноги скользят по ледяным холмам, образовавшимся там, где люди черпают воду, лежа прямо животом на земле... Но уже светлеют вечера, уже утром мы поднимаем детей без огня... Но самое замечательное — это тепло...

Как чудно на улице, как радостно чувствовать ласку еще робких солнечных лучей и как хорошо, что уже не нужно содрогаться всем телом от проникающего до самых костей мороза, крепко прижимать локти к телу, втягивая голову в плечи, сжимать пальцы в кулак, дыханием согревая немеющие руки... Неужели это уже все позади? Можно уже снять теплый платок и даже большой мужской пиджак, надевавшийся под пальто на жакет, свитер, платье, фуфайку. Как чудно, что уже больше мы не мерзнем!!

А прибавка хлеба, разве это не укрепляет наши силы, не поднимает бодрость, не веселит наш дух?! — Весна... весна... она, казалось, уже никогда не наступит; казалось, и на обессиленную в борьбе с зимой и не в силах прогнать злой мрак зимней ночи. Но она все же пришла!.. Солнце снова сияет, но согревает тех, кто дождался до этих ясных теплых весенних дней и как будто торопится приласкать, ободрить и успокоить измученных, обессиленных и голодных людей, согреть их оледеневшее тело, укрепить их усталую душу.

И люди тянутся к жизни, к теплу. Они выходят, выползают из своих зловонных, загаженных темных и холодных квартир, их выносят на руках. И на улицах, на панелях, в садиках сидят, ходят, лежат те, кто все же дождался этого весеннего радостного утра, проводив темную, мрачную зимнюю ночь...

Оживает город: понемногу открылись бани, парикмахерские, даже некоторые магазины... Радио громко передает информации и концерты... Стали появляться на улицах газеты и... верить ли? По улице идет первый милый знакомый красный трамвай. С умилением и радостью совершают люди свой первый рейс на трамвае. Каким комфортом кажется поездка через мосты, через Неву на трамвае! Мы уже так привыкли по всему городу ходить пешком. А тут садишься и едешь... Красота!

Как после тяжелой болезни медленно оживает измученный город, и вот однажды все ленинградцы услышали его голос: часы на башне над городской станцией стали бить, как прежде, четверти и часы.

Город оживает, оживают люди, оживают дети! Они уже без плача выходят на прогулку. Вот с 32 детьми мы гуляем по соседним с детским садом улицам. Ребята неумолчно щебечут, радостно смеются и шалят, и мы не мешаем им. Самим хочется смеяться и шалить, видя эти радостные, розовеющие личики, эти оживающие, загорающиеся радостью жизни глазки. И все взрослые, встречающие нас на улице, с умилением, радостью и любовью провожают нас возгласами: «Вот столько детей еще осталось», «смотрите-ка, какие детки-то хорошие, не все утомились, вот сколько еще осталось», «ишь сколько ребят, и где это вы их набрали столько?».

А «дома» у нас еще осталось несколько ребятешек... Вот Риточка Матвеева, она еще не встает на ножки, и целый день лежит или сидит в постельке. Или Катя Николаева — она еще не может справиться с тяжелыми поносами, все время возвращающимися и изнуряющими ее исхудавшее тельце. Этих ребяток мы тоже хотим порадовать солнышком.

Я одеваю Риточке капор, пальтишко и валенки. Девочка горько и жалобно плачет, она боится холода и не хочет покидать кроватку, где ей так тепло и удобно. Уговариваю терпеливо и ласково, закутываю ее поверх шубки в одеяло и выношу на двор. Мы сажаем ее в саночки, и дети возят ее по двору.

«Холодно ли тебе, Риточка? Хорошо ли? Хочешь домой?» — «Нет, нет». Ей хорошо, ей тепло и радостно... и вечером, когда я укладываю ее спать, она обнимает меня за шею и шепчет на ухо: «А завтра вы возьмете меня опять на солнышко и покатаете в саночках?». Да, конечно, завтра и послезавтра. Каждый день мы будем выносить тебя, Риточка, и еще полтора десятка таких же слабеньких детей, до тех пор, пока ваши ножки сами не выбегут на крыльцо.

И как быстро этот миг наступает! После третьей прогулки Риточка уже сама встает с кровати и обедает за столом за всеми детьми, а к концу недели она робко и осторожно с куклой в руках сама выходит на крыльцо и смеется, смеется от счастья вернувшейся жизни.

Да, жизнь возвращается, жизнь берет свое, и для нас и наших детей она вышла победительницей из борьбы со смертью. Однако враг упрям, вреден и коварен. Он подбирается к оставшимся людям со всех сторон: он притаился и в зараженной трупами воде, и в отсыревших комнатах, несущих массовые заболевания, и в загаженных нечистотами улицах, дворах и квартирах. Но ни одной жизни нельзя отдать больше блокаде.

Собрав все силы, всю выдержку, все граждане — рабочие, врачи, домохозяйки, педагоги, продавцы, служащие — поднялись на защиту Ленинграда от эпидемий. Скептики, паникеры, трусы всю зиму предсказывали нам неизбежность тифов, холеры, дизентерии и прочих бед. Но ни одно из этих пророчеств не оправдалось. Исхудавшие, усталые люди, с опухшими лицами и отмороженными кровотокающими руками, ослабленные голодом и цингой, после работы выходили с ломami и лопатами. Они раскапывали горы замерзших нечистот, льда, смерзшегося снега, впаявшего в себя обломки кирпичей и штукатурки, куски шкафов и диванов, детские игрушки и библиотеки ученых.

Вывозили эти осколки старого, выносили в корзинах и ящиках, перевозили на машинных и трамвайных платформах, скалывали, чистили, убирали, освобождали город от этих гнойников, от этих мокнувших язв. И когда солнце стало греть сильнее, когда с улиц, площадей и дворов свалилась последняя грязная короста прошедшей тяжелой зимы, люди снова увидели свой любимый город здоровым и как будто еще более прекрасным, чем прежде, хотя провалы в домах, груды разбитых зданий, воронки посередине улиц и срезанные бомбами стены красноречиво говорили о том, что вынес герой-Ленинград.

В эти апрельские ясные дни из всех уголков детского сада неумолкаемо звенели веселые детские голоса. В эти апрельские теплые дни в каждом взгляде встречающегося на улице человека светилось чувство живой радости. В эти чудные апрельские дни каждый из нас чувствовал себя снова сильным, спокойным и, как никогда прежде, крепко уверенным в победе. И громко вторило сердце песне, возвращающейся жизни.

6

С наступлением весны и тепла начали поправляться дети, но многие из них могли ходить из-за мучительной болезни ног. Тяжелое следствие длительной голодовки — цинга, глубоко въелась в детский организм и разрушает его.

Мать приводит к нам троих детей. Все они не выглядят дистрофиками. У старшего Юры и младшего Алика даже довольно кругленькие рожицы. Мы раздеваем ребят. Все тело их покрыто темными большими пятнами, особенно ноги. Они даже почернели внизу на ступнях. В самом ужасном виде — рот: дети едва могут его раскрыть, вместо десен — гнилое черное месиво, в нем совершенно не видно зубов, язык распух и кровоточит, из открытого рта несет воню и тошнотным смрадом разложения. Особенно Галя пострадала от цинги: у этой пятилетней девочки даже выпали передние зубы.

Мать уехала на оборонные работы, да она и не может остановить этот быстрый процесс разложения.

Мы беремся за детей. Сейчас они даже не могут еще стоять на ножках и охотнее всего лежат в кроватках. Утром их подушки покрываются густыми коричневыми пятнами. Что делать с ребяташками?! Ведь они не могут есть даже мякиш хлеба. Но советское правительство знает, в чем нуждаются сейчас люди: крупнейшие руководители нашего города заняты вопросом питания детей.

В детский сад начинает поступать свежая зелень: щавель, редиска, укроп; на детей начинают выдавать соки, клюкву, витамин «С», настой хвои. Мы охотимся в лесах за молодой крапивой. Вместе с врачом мы осторожно кормим наших цинготников сырой зеленью. Особенно заметно положительные результаты дает щавель. Мы его рубим мелко-мелко и даем

детям есть его сырым с хлебом, а также и взрослым. Среди наших служащих большая половина тоже ходит с почерневшими деснами.

Троим детям Шестериковым ежедневно смазывают десны соком, отжатым из крапивы или клюквы. Мы выносим детей на руках во двор и усаживаем их на солнышке в креслицах или укладываем детей на раскладушках, подставляя их почерневшие ноги уже теплым лучам весеннего солнца.

В этой борьбе незаметно проходит месяц.

Неужели это Галя спускается ко мне сама по лестнице со второго этажа? Осторожно и как-то неуверенно ставит она ноги на каждую ступеньку, крепко держится за перила и, увидев меня, радостно смеется. А этот бутуз, тот самый Алик, которого еще недавно приходилось насильно поднимать с кровати? Посмотрите, как он весело копается в песочке, ковыляя с каждой формочкой от ямки к скамейке.

Проходит еще неделя, другая, и вся тройка Шестериковых участвует на музыкальных занятиях: дети бегают, смеются и играют, как все здоровые дети.

И вот, неожиданно, в конце второго месяца пребывания детей в детском саду на один день приезжает мать. Я отвожу ее в канцелярию и прошу позвать детей. Она вскакивает с места: «Позвольте мне самой пойти с ними, ведь слишком тяжело нести их всех троих». Я улыбаюсь и успокаиваю мать. Пусть она не тревожится, няня справится одна. Резко открывается дверь, и вся тройка, один за другим входит... нет, врывается в комнату и со смехом и криком бросается к матери.

Мать всплескивает руками: «Да вы ли это, мои детки? Ведь я уже думала, что вас нет на свете...». И с удивлением и радостью осматривает, ощупывает, гладит она своих детенышей. Она трогает их руки, гладит по плечам и спинкам, заглядывая в глаза, прижимает к груди то одного, то другого, все время повторяя: «А я-то уже не думала, что вы живы»...

Татарчонок Бичурин Сафиулла попал в детский сад после того, как его мать похоронила троих его братьев и сестер и сама была отправлена в больницу.

Мальчик напоминал мартышку: с вылезшими волосами, с облезшей на лице сухой кожей, покрытой болячками. Его глаза под низким лбом имели выражение какой-то тупой покорности и глубоко безразличия ко всему, что не касалось еды; его тело вызывало дрожь и ужас даже у тех, кто за эту зиму навиделся всяких уродств: большой живот под узкой грудью с выступающими на ней ребрами, висящие по бокам худые руки-палки, покрытые темными пятнами и язвами; распухшие, кровоточащие ноги — вот в таком виде предстало перед нами существо, называвшееся Сафиуллой Бичуриным.

Он прожил в детском саду четыре месяца до того дня, когда однажды утром ко мне, во время прогулки детей, робко подошла высокая, худая женщина. Она очень плохо владела русской речью, но было вполне понятно, что она мать Саши (так мы его звали по-русски). Бичурин вышла из больницы и с трепетом пришла узнать, куда делся ее последний ребенок.

*Дети
блокадного
Ленинграда*

Дома ей сказали, что он отправлен в какой-то детский сад на этой улице, и вот она ищет своего последнего сына. Тех троих сыновей и дочку она похоронила сама, муж убит еще зимой, а этой Сафиулла тоже умер? Она готова к этому и, собственно, лишь ждет подтверждения своей догадки.

«Идите, мама, ваш сын здесь, среди играющих на площадке здоровых детей... Смотрите, и узнайте его!!».

Мать волнуется, ходит между ребятами, беспомощно смотрит вокруг.

«Подойди, Сашенька, что ты спрятался?». Он уже давно заметил свою маму и вдруг сконфузился, спрятался за угол и следит за ней радостными и смущенными глазами. Его зовут дети, и вот мать перед ним. Он ли это? Она не бросается к нему, и он стоит молчаливый и смущенный перед ней. На смотрит на него пристально, долго, и вдруг оборачивается назад, подходит ко мне и, охватив за шею, вдруг разражается бурными слезами. Я увожу ее в дом.

Она говорит что-то непонятное наполовину по-русски, наполовину по-татарски. Но все вполне ясно. Она благодарит за сына, она благодарит за радость, возвращенную ей. И, уходя из детского сада со своим последним сыном, она кладет мне руки на плечи и смотрит с глубоким волнением мне прямо в лицо, а потом вдруг хватает мои руки и пытается поднести их к губам.

Мы крепко обнимаем друг друга и без слов понимаем все чувства и мысли, волнующие нас в этот момент...

Сколько таким радостных встреч видела наша скромная комнатка, кабинет заведующей за эту зиму, весну, лето и осень 1941–1942 годов. Сколько таких волнующих встреч оправившихся матерей со своими окрепшими детьми видели все детские учреждения нашего города! И можно

ли желать более высокой награды за все трудные дни, за все бессонные и тревожные ночи, за непосильный тяжелый труд, за бесконечные заботы и мучительную тревогу, которыми полон каждый день, каждый час работы ленинградских дошкольников, чем эти материнские благодарные лица, чем эти безмолвные, полные глубокого волнения и бесконечной признательности глаза. Эти глаза навсегда останутся в нашей памяти как сияющие звезды, освещающие ярким светом наш трудный путь и зовущие нас на дальнейшую ее более ожесточенную борьбу за наших детей.

7

Сколько интересных случаев выплескивает жизнь в наш детский сад! Сколько необычайных условий жизни, отношений между людьми, характеров, конфликтов, удивительного героизма и безобразного уродства обнажает сейчас борьба за существование, борьба за жизнь!..

В канцелярию входит семилетняя Рита Браун. Она уже целую неделю не ходит в детский сад. Ее мать больна и писала, чтобы я разрешила девочке остаться дома, побыть с ней и оказывать ей помощь. Однако я не уверена в том, что детсадовский обед и ужин Рита не делит между собой и голодной матерью, и вызвала ее сегодня к себе. Не ожидая моих вопросов, Рита сразу берет инициативу в свои руки. «Дайте мне, пожалуйста, мою хлебную карточку. Я не буду больше брать хлеб в детском саду, я буду брать его сама из булочной!!» — говорит она.

«Почему ты так хочешь сделать? Ведь ты получаешь дома на мамину карточку хлеб?».

«Нет, видите ли, у мамы карточку украли еще в начале месяца, а мне надо получать для нее белый хлеб. Я получу справку у доктора. У мамы ведь сильный понос, и у меня тоже. Когда у нее только начался немножко понос, мне соседка сказала, что надо поехать в Лесной, набрать там травы и отвар этот выпить, и мама поправится. Я поехала в Лесной на трамвае и набрала целый мешок травы, а дома поставила ее вариться, и она хорошо кипела. Я напоила мамочку и сама напилась этого отвара, и вот у нас у обоих такой сильный понос, мама совсем лежит».

Бедная неудачная маленькая хозяйка! Эта семилетняя девочка с большими серыми глазами так хочет, чтобы мама ее встала, и она вполне уверена, что сможет ей помочь: ей даже не приходит в голову, что она невольно ускорила смерть любимой матери и сама готова идти за ней тем же путем...

Я забираю девочку на интернат. Ведем в детском саду упорную и напряженную борьбу за Риту. Немедленно вызываем врача и матери — и отправляем ее в больницу. Отец, очевидно, убит на фронте: уже 14 месяцев от него нет известий. Через неделю мать умирает.

Риточка крепко привязалась к детскому саду. Когда ее сообщили, что ее мама умерла, она была, скорее, удивлена, чем огорчена. Вечером выяснилось

из рассказа детей, что Рита решила тоже умереть, а для этого она должна найти червяка и съесть его. Перед сном мы уютно сидели с Риточкой в моей комнате полутемной канцелярии и беседовали с ней долго и тепло. Я крепко поцеловала ее перед сном, и девочка спокойно легла спать. Через месяц мы передали девочку в детский дом, и она была отправлена в глубокий безопасный тыл.

Через четыре дня после отправки девочки из города ко мне зашел пожилой мужчина: это управхоз дома, где жила Риточка Браун с матерью. Накануне была получена телеграмма от отца. Он, оказывается, жив. Я читаю полный глубокого волнения сжатый телеграфный запрос: «Умоляю сообщить по адресу Новосибирск, до востребования, судьбу жены и дочери Браун».

Мы сообщаем отважному минометчику Николаю Дмитриевичу Брауну все, все, что мы знаем о его жене и девочке. Мы сообщаем ему и адрес ленинградского детского дома, отправленного в Свердловскую область. Отец найдет Риточку, и она неожиданно встретит своего папу, тогда, когда уверена, что осталась совсем, совсем одна на свете...

8

Борьба за жизнь и здоровье каждого ребенка иногда плотно упирается в специфические условия жизни города-фронта.

Надя Цыганова заболела корью. Она живет с матерью напротив детского сада. Мать работает на одном из оборонных заводов. Идти на бюллетень нельзя. Что делать с девочкой? Мать отвозит Надю далеко в Лесной к тетке. Начинается бешеная беготня матери из Лесного на Васильевский остров, на место работы; вечером на Петроградскую за питанием девочки, оттуда в Лесной к больному ребенку.

Через несколько дней такой беготни и траты сил и нервов, поздно вечером около 11 часов передо мной в детском саду появляется заплаканная мать с больной Надюшей на руках. Она в изнеможении опускается на стул и, прерывая рассказ свой судорожными рыданиями, раскрывает передо мной всю сложность создавшихся условий. Она приносит из детского сада питание для дочки и оставляет его на завтрашний день. Тетушка взялась разогревать еду, кормить и следить за четырехлетним ребенком.

Но вот уже два дня мать с удивлением находит свою дочку страшно голодной, а сегодня она убедилась, что тетюшка съедает все питание Нади, той даже не остается супа, и ребенок с плачем спрашивает мать, почему детский сад не дает ей больше каши и супа?

Произошло бурное объяснение, и озлобленная тетюшка выгнала из дому в 10 часов вечера усталую женщину с больной девочкой, и бедная мать в волнении и расстройстве забыла взять ключи от комнаты. Где искать приюта и ночлега? Она пришла в детский сад за помощью. Что делать дальше? В больницу дочку нельзя положить, так как в детском саду карантин

по коклюшу; брать бюллетень невозможно, на заводе идет такая напряженная работа для фронта, рук не хватает. Что же делать?

Быстро находим выход. Укладываем ребенка на раскладушку в канцелярии, устраиваем рядом мать... А со следующего утра мать оставляет дочку у себя в комнате и, уходя на завод, заносит ключ от квартиры в детский сад. Во время каждого питания, то есть четыре раз в день, одна из нас берет Надину порцию обеда, завтрака или ужина и направляется в квартиру № 37 дома напротив.

Мы открываем дверь ключом. В маленькой чистенькой комнатке тихо-тихо, как мышка, сидит на кровати четырехлетняя Надя. Она совершенно одна, не только в своей квартире, но и на всей лестнице. Днем все немногие жильцы этого дома на работе. Надюшку это нисколько не смущает. Она терпеливо и как-то по-взрослому понимая, ждет посещения кого-нибудь «очагового», и как только слышит звук ключа, повертывающегося в замке, с любопытством заглядывает в открытую дверь. «Это кто пришел? Это Любовь Петровна?». «Нет, это няня Лена». «Ах, это Анна Александровна! А что сегодня на обед?».

Мы кормим нашего малыша горячим обедом или полдником. Мы убираем в комнатке, выливаем горшочек, моем посуду, укладываем девочку на тихий час. Рассказываем ей все, что произошло в группе или принимаем врача, даем лекарство. Прощаемся и уходим, запирая Надюшу снова на ключ. Она спокойно засыпает.

Вечером поздно приходит мать. Она уже больше не тратит время, силы и нервы на длительные переезды по городу; она спокойна за ребенка и за его питание; она не ушла с завода в самый напряженный момент его работы, и мы вместе радуемся быстрому выздоровлению девочки. Никаких осложнений, никаких последствий не оставила после себя болезнь, и вскоре Надюша уже сидит в группе и вместе со всеми ребятами, здоровенькая и веселая, радостно встречает каждого из своих друзей-взрослых.

9

За Юрой Лапиным мы следим давно... Нас заботит его постоянно хмурый вид и его молчаливость. Это большеголовый малыш со вздутым, рахитичным животом, бедный и всегда голодный. Он почему-то очень часто пропускает детский сад и значится больным: то «голова горячая», то «животик болит», то «глотать больно». И все это на 1–2 дня, без справки от врача.

Однажды меня вызывают в докторскую... Юра Лапин на осмотре: он раздет, и его некрасивое тельце все покрыто синими рубцами и кровоподтеками. «Мама побила», — коротко, нехотя отвечает ребенок на все наши вопросы.

«За что? Чем?» — нам почти ничего не удается выудить из этого замкнутого мальчика. Составляем с врачом акт; вызываем мать. Она держится

нагло и вызывающе: никаких объяснений давать не намерена, ребенок ее, и делает она с ним все, что хочет...

Мы доказываем, объясняем, уговариваем, грозим! На следующий день Юра снова не приходит в детский сад, а мать является за питанием. Ничего не спрашивая, мы выдаем ей полную порцию, и почти вслед за ней я неожиданно являюсь к ней на квартиру.

Картина, которую я застаю, не требует комментариев. На столе стоял пустые кастрюльки и банки, посуда еще не вымытая после обеда и ужина, принесенного из детского сада. Ребенок сидит в углу на сундуке с большим синяком под глазом и тихо плачет. Мать сердито возится в углу у печурки. В комнате невероятно грязно, холодно и неудобно.

Происходит очень короткое объяснение. Я вызываю дворника и соседку по квартире, и без большого труда устанавливаю факт систематического избиения мальчика матерью. Она бьет его чем попало и куда попало, главным образом, за еду. Тогда, когда ребенок робко просит дать ему хотя бы кусочек хлеба из его же порции. Все его питание у него же на глазах поедает его милая, заботливая мать, с возмущением доказывающая, что «этого уроды никогда не накормишь, утроба у него бездонная».

Я составляю на месте акт и забираю мальчика с собой в детский сад. Мать возмущается, кричит, угрожает. Дело доходит до милиции, но ребенка я уже забрала, и он живет в детском саду спокойный и уже не такой угрюмый, как обычно. Вот он уже начинает разговаривать с ребятами, иногда даже улыбается. Ест с жадностью и с нетерпением совсем так, как сильно проголодавшиеся дети, которых мы так много видели зимой.

Часто среди дня он тихонько открывает дверь канцелярии и забирается ко мне на колени. «Хочу посидеть у тебя» — смущенно заявляет он; ночью он требует, чтобы его положили на самую ближайшую к моей комнате (а я сплю в душевой) кроватку и нередко рано утром вдруг является ко мне. «Хорошо ли тебе, Юрочка? Хочешь ли к маме? Или останешься в детском саду?» — «Не хочу я мамке, гадкая мамка, хочу жить с тобой», — отмечает мальчик.

Проходит месяц. Мать настойчиво добивается возврата сына. Она приходит 2—3 раза в неделю, извиняется, бьет себя в грудь, плачет, просит. Мы передаем дело в сектор охраны детства. К концу месяца отдаем ребенка матери, взяв с нее обещание, которое она дает как клятву: «Пальцем не трону».

Однако через неделю она совсем перестает его приводить. Снова я появляюсь в ее грязной неудобной квартире и неожиданно узнаю, что детский сад вообще ей не нравится, что она переводит сына в другой район. Она открепляет ребенка и требует, чтобы мы от него отстали. «И что вам дался мой ребенок? — с негодованием кричит она. — Вероятно, вы имеете от него какую-нибудь пользу!» (?). Да, конечно, мы следим за каждым ребенком, а в особенности за таким, которого объедают взрослые; мы стоим всюду на страже интересов этих маленьких беспомощных ребят, и за этот тяжелый год войны нам приходится порой защищать ребенка не только

от врагов, но даже от самого близкого, от самого родного ему человека, от его матери, которая отталкивает его от тарелки с супом.

Я потеряла скоро из виду Юру Лапина: его переселили в другой дом, и через два месяца неожиданно узнала, что накануне в детский приемник НКВД привели бледного большеголового мальчика, подобранного со двора. Он объяснил, что мать еще вчера оставила его на улице и, уехав на работу, заперла дверь на ключ. Он озяб и был так голоден, что пошел к кухне госпиталя, а в это время его нашел милиционер и привел в приемник. И Юра снова попал в детское учреждение, где никто его не будет бить, где никто не отнимет у него его хлеба, обеда или ужина. Он попал в ту семью, где он снова научится улыбаться и где снова оживет потребность каждого детского сердца в ласке, уюте и любви. Да, бывали и такие случаи в жизни блокированного Ленинграда.

10

В ожесточенной тяжелой и упорной борьбе за детей выросли и окрепли наши кадры. Мировая отечественная война выковала из простых женщин и девушек величайших патриоток своей страны, бесстрашных и неукротимых, энергичных и сильных. Они готовы к любой работе и идут на все. На фронте и в тылу, наравне с мужчинами, они бьют фашистов, они готовят снаряды, водят поезда, тушат пожары, грузят дрова, выкладывают печи.

И наши девушки и женщины, работающие в детских садах, выросли неузнаваемо за эти полтора года войны. Как многому научила их тяжелая прошлогодняя зима! Сколько напряженного труда она потребовала от каждого из нас, как сильно изменила облик ленинградских дошкольниц!

Лето принесло нам значительное облегчение. После почти полугодового перерыва очищены люки, пущена в действие канализация и, наконец, какое счастье — стал работать водопровод! С каким ликованием мы встретили первую струйку воды, которая весело потекла из всех детских умывальников, с каким смехом, шутками и радостью мы вместе с детьми подставляли свои руки под эту струйку свежей воды; как замечательно, что за ней не надо идти ни на Неву, ни через дорогу в темный подвал чужого дома. Она сама, эта вода, необходимая для нашей жизни, потекла к нам и поднимается даже на второй этаж, чтобы обеспечить нас теми 200—300 ведрами воды, которые нам необходимо было до сих пор возить и носить на себе.

Но теперь важны другие заботы.

Вот уже и новая зима приближается, а город по-прежнему находится в блокаде. Вокруг Ленинграда продолжают стоять упрямые, тупые и кровавые враги.

А город хочет жить, и жить не так, как жил прошлой зимой, и поэтому он развернул деятельную и разностороннюю подготовку к зиме.

Постановлением Ленсовета все ленинградцы брошены на заготовки дров. В первую очередь, необходимо использовать внутренние запасы. Можно сломать и сжечь все деревянные дома, оставшиеся в городе.

И вот мы на сломке дома. Вооружившись топорами, ломami и вилами, лезем на крышу деревянного дома. Неумело, иногда неосторожно, но упорно и настойчиво мы поддеваем листы железа с крыши, подпиливаем стропила, выворачиваем тяжелые потолочные балки, отбиваем доски, выламываем двери, рамы со стеклами, валим перегородки между комнатами, выворачиваем доски пола, разбиваем печи и рушим высокие, торчащие среди развалин печные трубы.

Опасная и тяжелая работа не тяготит и не смущает, однако, никого. С веселыми шутками и замечаниями упорно и настойчиво рубим и пилим мы крепкие дома, когда-то теплые квартиры, уютные комнаты; уничтожаем все то, что еще могло служить людям. Но война заставляет переоценить все ценности: сейчас нам нужно тепло, нужно топливо, чтобы согреть те комнаты, в которых живут оставшиеся в Ленинграде дети.

А на месте деревянных разобранных домов потом мы сами или другие люди построим новые роскошные дворцы и высокие светлые жилые дома. На пустых развалинах раскинутся парки и стадионы. Только вы бы выгнать врагов из нашей страны, только бы победить в этой борьбе, и мы сумеем сделать жизнь еще более красивой, еще более интересной, чем прежде, и придадим нашему славному городу такой вид, который он заслужил своей героической стойкостью в борьбе.

Ради него упорно и настойчиво мы рушим стены, обваливаем потолки, опрокидываем печи и возим на ручной тележке наломанные, а порой и просто волочим за веревку бревна в наш детский сад. Тащим их через улицы, мосты, площади за несколько километров, а может быть, нам удастся погрузить на площадки трамвая или автомашины наломанные доски, кое-что перевезти на саночках и тележках... но нашим детям мы создадим в эту зиму теплые групповые комнаты и уютные спальни. Больше они не будут дрожать от холода.

Пусть наши руки распухли и кровоточат, забинтованы ноги, оцарапаны и проколоты ржавыми гвоздями, пусть плечи и спины болят от непривычной тяжелой работы, но мы, женщины-ленинградки, научились работать по-военному, повинясь только одному слову «надо». Эту команду отдает себе сам каждый боец Ленинграда, и мы готовы в бой с наступающей холодной и тяжелой зимой.

Но для хорошей подготовки к зиме необходимо, в первую очередь, остеклить окна. Все стекла выбиты от ударов снарядов! Но как не хочется забивать эти дыры фанерой! В городе, кажется, невозможно достать стекло. Число выбитых стекол исчисляется, вероятно, в квадратных километрах. Однако дошкольницы все же достают стекла из пустых квартир. Мы вставляем их по одному в 1–2 рамы при каждом сигнале воздушной тревоги, при каждом артобстреле, с напряженным вниманием прислушиваемся, не звучит ли где-то близко звон разбитых стекол, не пропадут ли

в один миг все наши усилия, столько радостных надежд, столько средств и сил!..

И все же... снова вылетают стекла, снова в окнах зияют дыры и снова, как муравьи, упорно, с настойчивостью и терпением ищут, тащат, везут дошкольницы новые стекла. Снова вставляют их в рамы, снова радуются своим светлым комнатам и снова с тревогой и ожиданием, сидя с детьми в бомбоубежище, прислушиваются к близким разрывам вражеских снарядов. Удержатся ли стекла на сегодня? Или в третий раз, четвертый... шестой раз мы должны будем их доставать и вставлять.

Но нас теперь тревожит и внутренний вид нашего помещения: мы хотим вернуть им обычный для дошкольного учреждения вид. Но все не так, как нужно: стены побиты и облуплены, штукатурка во многих местах осыпалась и дала трещины, от наших коптилок потолки, стены и окна совсем почернели. Но в городе нет маляров, печников и плотников; в городе нет красок, олифы и извести. И снова дошкольницы идут, думают и находят выход. Мы превращаемся сами в штукатуров и маляров.

Полным ходом работает детский сад, обслуживая по 150 детей ежедневно, а мы, разбившись на бригады, объединяясь в группы, работая по 14–16 часов днем и ночами, даже во время воздушной тревоги. Мы все, 25 человек, красим стены, белим потолки, замазываем окна, красим подоконники и двери, штукатурим все побитки, все трещины на потолке и в стенах. Конечно, нет у нас профессионального навыка, но это неважно...

С любовной заботливостью законопачиваем все войлоком, собранным со сломанных домов, каждую щелочку, каждую дыру в полу и под окнами, озабоченно и серьезно обсуждаем цвет свет каждой комнаты и на свой риск и страх составляем светлые тона для окраски комнат. Ремонтируем наш детский сад с большой любовью к детям, которым хотим возместить тесноту и сырость холодных бомбоубежищ прошлой зимы.

Пусть не сразу высохшая дверь оставила на себе следы детских пальцев, пусть наш первый опыт малярного дела дал некоторый дефект в окраске стены. Нам становится еще дороже, еще роднее наш детский сад, и мы с гордостью показываем родителям светлые чистые групповые комнаты с занавесками и салфетками, детские веселые спальни с тюлевыми покрывалами и, наконец, наш выкрашенный и даже чем-то натертый пол.

Теперь можно встречать зиму без страха, в чистом красивом и здоровом помещении. Мы много потрудились для этого, но, самое главное все-таки в том, что в нашем напряженном труде выросли наши кадры. Сформировались совершенно новые люди, знающие свои силы и свои возможности, знающие, для чего они трудятся; выросли настоящие товарищи, коллективисты-общественники, которым близко каждое дело, нужное для подраненного здоровья детей, каждое дело, нужное для борьбы с врагом.

В наших людях выросла уверенность в том, что любая работа, которая только нужна, может каждым из нас и общими усилиями быть выполнена. И это чувство своей независимости, это сознание своей готовности к любому виду труда, подняли и переродило наших людей. Из апатичных,

Дети блокадного Ленинграда

порой замкнутых, робких или наивно беспечных девушек и женщин, попавших иногда случайно в детский сад на должность няни, прачки, дворника и порой избалованных и изнеженных, пришедших на должности воспитателя после своей работы секретарем, чертежником, преподавателем английского языка и т. п.

Эта борьба за красивую, удобную и здоровую жизнь наших детей, борьба за настоящую детскую радость, создала сознательных, выносливых и дисциплинированных женщин-патриоток. Сейчас это уже не случайный сбор людей. Каждый детский сад — это дружный, слитый воедино коллектив, преследующий одну цель и идущий одними путями к ее достижению.

И сейчас особенно глубоко прочувствованно и понято каждым из нас замечательное советское слово «товарищ». Поэтому и не страшны нам теперь любые невзгоды новой зимы. Теперь им уже нас не одолеть! Мы выросли и окрепли в борьбе так же, как окрепла и выросла в борьбе с лютым врагом наша Красная Армия, как возмужала и окрепла в этой Великой Отечественной войне вся наша советская родина.

11

Наши дети сейчас, в октябре — ноябре 1942 года, — уже не те, которыми они были полгода назад. Сейчас они не разговаривают только о еде,

не думают об обеде и ужине. Они стали совсем, совсем «нормальными» детьми. Их интересует картинка и книжка, игры и сказки, музыкальные занятия и беседы. С увлечением поют они песни, танцуют, разучивают стихи. Они полны героикой войны, полны рассказами о сражениях, рассуждают и спорят о самолетах, строят «дзоты» и «огневые точки», командуют отрядами, разрушают «бутылками с горючим» и «гранатами» вражеские землянки, захватывают пленных, организуют штабы в пустых сараях и т. п.

Почти у всех детей, как они говорят, «папа на фронте». Многие уже убиты, некоторые пропали без вести, другие ранены... Но дети думают о них и тянутся к каждому военному, заходящему на площадку и в помещение детского сада.

И мы устраиваем встречу детей с ранеными бойцами.

Для «выступления» в госпитале подобрана группа детишек в 17 человек. Самой маленькой нашей артистке, Томочке, — только три года и два месяца. Но ее ничто не смущает. Мы приходим в госпиталь, с которым держим крепкую связь. Нас встречает с любовной лаской и умилением весь штат. Одетые в красноармейские, краснофлотские и физкультурные костюмчики, с красными знаменами и фанфарами, стройно входят ребята в одну из палат хирургического отделения.

Мы раздвигаем койки и после нескольких слов приветствия дети начинают свое выступление. С чувством и пониманием читают они стихи, полные веры в победу, ненависти к фашистам и любви к нашей Родине. Под гармошку, на которой играет старший мальчик, они пляшут и поют свои песни. Но больше всего внимания привлекает наша Томочка. Я ставлю ее на табурет. Одетая в форменку с красноармейским шлемом на голове, она громким детским голоском, захлебываясь и глотая слова и концы фраз, поет частушки: «Воевать мы не хотели, мы за мир всегда стоим, ну уж если нас задели, сдачи крепко мы дадим». А весь хор подхватывает дружно и весело: «Били наши батальоны самого Наполеона, ничего нет хитрого, что побьем мы Гитлера».

Концерт продолжается. Вот шестеро средних ребят говорят о своих мечтах, а после них старшие пляшут украинский танец, и снова Томочка со стула поет: «У меня есть шапка со звездой, я красноармеец молодой»...

Этих маленьких артистов слушает 15 больных, покалеченных взрослых мужчин. С какими глазами, с какой нежной улыбкой следят раненые бойцы за этими маленькими детьми! Почти у каждого остались где-то далеко, далеко такие же маленькие хорошие дети. Их судьба многим отцам неизвестна. И вся тревога, вся ласка обращается к этим чужим, но таким родным ребятам. Как они хороши! За этих детей, за их жизнь и счастье отданы силы, отдано здоровье, пролита кровь.

И невольно наворачиваются слезы умиления, слезы отцовской боли, на усталых глазах сильных и мужественных людей. Они привлекают к себе детей, беседуют с ними и гладят их по головкам темным и русым...

А кругом, в дверях и проходах набились сестры, сиделки, санитары, подошли ходячие больные — всем хочется посмотреть на маленьких артистов,

таких близких и таких знакомых, своих. Мы кончаем переключкой «за Ленинград» и выходим.

Теперь в следующую палату.

Так идет выступление наше в госпитале. С нежной лаской, глубоко взволнованные, мы расстаемся с нашим друзьями, медсестрами, врачами, санитарями, сиделками. Но больше всего тепла, больше всего самых разнообразных чувств, самых глубоких и задушевных мыслей всколыхнули наши дети в сердцах раненых.

И когда перед нашим уходом один из них, с подвязанной рукой, обратился с благодарными словами к выступавшим детишкам, его голос срывался, он часто останавливался, чтобы глубоко вздохнуть, и те немногие, простые слова, которые мы слышали в тот день, глубоко запали в нашу память: «Живите, дети, спокойно, растите здоровыми и знайте, что мы снова пойдем на фронт и будем защищать наш город Ленинград до конца. Не бывать здесь немцам! Будьте спокойны... А вы, — обратился он к нам, взрослым, — храните наших детей еще лучше, еще бережнее, и каждый из нас, бойцов и командиров, скажет вам глубокое спасибо за них»...

И мы прилагаем все силы к тому, чтобы выполнить этот завет дорогих бойцов. Полные глубокой материнской ласки и чувством огромного неоплаченного долга, мы оберегаем наше будущее, наших детей и растим из них новых героев, новых сильных людей, достойную смену своих отцов.

12

Как красиво украшен зал: красные флаги, знамена и лозунги ярко выделяются среди зелени листвы. Над бюстом Ленина горит приветственный лозунг: «Да здравствует XXV-я годовщина Октября».

Да, мы празднуем сегодня великий день, день Октябрьской революции. Четверть века живет наша Советская власть, четверть века растет наша молодая Советская страна, и этот год с особенной, яркой убедительностью подвел итоги большой созидательной работы.

В день великого празднования Октября наша страна, израненная, опаленная пожарами, истерзанная, истекающая кровью, страна отчаянно борющаяся в смертельной схватке с сильным и коварным врагом — эта страна во всех своих городах и селах, во всех самых глухих уголках на земле и море празднует сегодня, гордая и счастливая, свой 25-й год рождения.

И наш Ленинград, уже больше года находящийся в блокаде, наш многострадальный, израненный город, с особенной радостью и глубоким волнением празднует сегодня этот великий день.

Вот звучат бодрые радостные звуки марша, и в зал входит колонна детей. Одинаково одетые в белые рубашки с красными банками у ворота, со знаменами и фанфарами входят наши ребята торжественно и стройно в парадный зал.

За старшими с красными флажками входят средние группы, одетые красноармейцами и моряками. И, наконец, неровной, прерывающейся цепочкой выползают наши малыши...

Какие они нарядные сегодня! С каким возбужденными личиками, несколько растерянные и смущенные, несут они свои красные флаги! С каким интересом оглядывают они нарядно украшенный знакомый, но такой необычный для них зал. А сколько сегодня здесь детей, сколько взрослых! Как громко играет музыка! Дети размещаются в зале и на «трибуне».

Звучат краткие слова приветствия, дети восторженно громко, от всей души кричат «ура» нашим руководителям, Красной Армии, доблестным летчикам, танкистам и морякам. С чувством, уверенно и громко звучат песни. За торжественной частью идет веселье: пляски, стихи, шутки, игры сплетаются в пеструю картину радости. Сколько непринужденного, беззаботного веселья; сколько блестящих радостью глаз, сколько смеха и восторга!

Но праздник достигает своей вершины, когда в него включаются взрослые. У двоих моряков — наших гостей с шефствующей подводной лодки, глаза давно уже смеются. Наконец, не устояв перед жизнерадостностью детей, эти взрослые, смелые люди отбрасывают свою серьезность и, зараженные радостью и песней, сами пускаются в пляс, притопывая и выкидывая ногами такие фигуры, что и ребята, и взрослые немеют от восторга. Вот в круг вышла наша няня. Неужели это наша Маруся, которая кажется обычно немножко неуклюжей и робкой девушкой. Неужели она так умеет плясать, так петь частушки?.. Так громко и радостно смеяться?!

Праздник занимает 40–50 минут. Однако он горит яркой звездой на фоне повседневной жизни детей, наконец, веселье заканчивается, и мы, взрослые, с облегчением уводим детей по групповым комнатам и рассаживаем их за празднично убранные столы. К счастью, обошлось без воздушной тревоги, ничто не нарушило задуманной программы. И обед сегодня тоже праздничный. Поверит ли кто-нибудь там, далеко, на «Большой земле», или еще дальше, за рубежом советской страны, что в блокированном, голодном, заплатанном, разбитом и опустевшем городе Ленинграде тысяча детей едят сегодня белые пироги с рисом, ватрушки с творогом, торты с кремом, бисквиты, шоколад и печенье.

Руководители города сделали все возможное, чтобы дети, действительно, почувствовали сегодня настоящий большой праздник. И пусть мы, взрослые, с бесконечным напряжением прислушиваемся к каждому звуку извне, в ожидании тревожного предупреждающего сигнала, пусть мы держим в боевой готовности весь наш состав группы МПВО, весь противопожарный инвентарь... дети сейчас глубоко и цельно переживают этот великий праздник Октября. Фашистские бандиты в бессильной злобе пытаются хоть как-нибудь испортить, хоть чем-нибудь помешать нашему празднику. Воют знакомыми пронзительными голосами сирены, гудят паровозы и трубы заводов. «Воздушная тревога». Враг надеется застать врасплох наш праздничный город, надеется вызвать суматоху и панику. Но как и много раз прежде, он просчитался!

Каждый военный и гражданский боец Ленинграда, празднующий величайший день в жизни своей страны, сегодня особенно бдителен и подтянут. Ни одного самолета не пропускают наши красные соколы и зенитчики в город, и скоро звучит сигнал отбоя. И мы, покидая свои посты на крыше детского сада, у спален детей встречаемся вечером за длинным столом со своими товарищами, чтобы еще раз по-взрослому серьезно перечувствовать и передумать все значение сегодняшнего дня, вспомнить еще и еще раз весь пройденный путь труда, борьбы, побед и... потерь.

Вот сидим мы все, члены одного дружного, крепко слившегося коллектива. Посмотрите на лица всех этих женщин, таких нарядных, красивых, таких спокойных и таких робких. Почти 80 % из них потеряли за этот год мужей, многие, кроме того, похоронили родителей, детей, братьев. Нет, кажется, ни одной среди нас, которая сейчас сохранила бы ту семью, в которой жила до войны. Но она же, эта Великая Отечественная война, создала новые семьи, укрепила новые связи, подняла и воспитала новые чувства, вырастила новых людей, скрепила их новыми отношениями.

И пусть свирепствует обманувшийся Гитлер. Сегодня в день 25-летия Великой Октябрьской революции каждый советский человек чувствует себя таким сильным, каким он не был никогда прежде. Каждый советский человек чувствует, что любит свою Родину так, как он не любил, кажется, ее еще никогда.

Каждый советский человек сегодня ненавидит подлых фашистских гадов такой глубокой, захватывающей ненавистью, на какую, кажется, прежде он никогда не был способен.

И пусть борьба еще не кончилась сегодня, пусть наступил момент самой жестокой схватки, требующей от нас еще очень много сил, много напряжения, и самого тяжелого труда. Борьба еще продолжается, но каждый из нас, не дрогнув, твердо стоит на боевом посту, защищая жизнь детей; он крепко знает, что «ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ»! «ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ»!

*Ленинград, декабрь 1942 г.
Заведующая д/с № 3/12 Петроградского района
Люблинская А.А.*

**«Мы делали обычную работу. А за медаль — спасибо»
Комментарий Дмитрия Люблинского**

«Комментарии» появились в 2022 году, поскольку свидетели тех событий, и я в том числе, поняли, что люди XXI века очень далеки от реалий жизни осажденного города в части объемов и понимания информационных потоков, особенностей эмоционального накала, испытываемых тогда бытовых бедствий и трудностей.

Блокадная жизнь как каждого жителя Ленинграда, так и одного отдельно взятого детского сада, вряд ли будет понятна и осмыслена без учета как особенностей военной жизни всего города, его служб и организационных структур, поведения людей, так и характера и жизненного опыта самой Анны Александровны.

Несколько штрихов к биографии моей мамы. Она родилась и росла в семье потомственных юристов, в юности была достаточно беззаботной и веселой барышней, умела играть на фортепиано и скрипке, много читала. У нее было два брата, и на их фоне к Анне Александровне в семье относились несколько снисходительно и воспринимали ее не очень серьезно.

Первый урок иной жизни она получила в 1917–1919 годах, когда в стране царили голод и разруха, в том числе во многих умах. В 1918 году, спасаясь от голода, семья покинула Петроград и перебралась в Самару. Вернулись через год.

О занятиях в школе Анна Александровна сказала: «Ничего из предметов не помню. Помню только, как мы учителей обсуждали и иногда осуждали. В голове осталось пустое место, тревожившее в ходе дальнейшей профессиональной работы всю оставшуюся жизнь».

Однако в вузе она очень активно и, по-видимому, эффективно помогала преподавателям при демонстрациях опытов на лекциях, ей предложили работать на кафедре и учиться в аспирантуре по кафедре психологии. К этому времени Анна Александровна вышла замуж, родила двух сыновей, развелась с мужем и вторично вышла замуж — за профессора кафедры психологии Александра Павловича Болтунова.⁴⁶

А потом случился второй урок жизни. Вышло постановление ЦК о «лженауке» педологии и «педологических извращениях». Во всех институтах, где были педологические кафедры, они были закрыты, а их работников уволили. Заодно уволили многих психологов, поскольку контролеры отделов кадров не видели разницы между педологией и психологией, а справку о том, что работник «не педолог», никто не давал.

Александр Павлович Болтунов также остался без работы. Чтобы жить и кормить семью, мама пошла на работу музыкальным работником

⁴⁶ Александр Павлович Болтунов (1883–1942) — психолог и педагог, профессор, доктор философии (1909), доктор педагогических наук (1936). Один из организаторов системы профориентационной работы в Ленинграде в 1920–1930-е годы. В 1907 году окончил историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени. До 1909 года продолжил обучение в Берлинском университете. Был учеником Карла Штумпфа, одного из основателей европейского направления функциональной психологии. После возвращения на родину, в 1920–1921 годах был профессором кафедры философии и психологии Томского университета. В 1921–1923 годах — профессор, проректор по учебной части Кубанского института народного образования (ныне Кубанский государственный университет). С 1925 по 1936 год — профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, заведующий кафедрой теории дошкольного воспитания, заведующий Школьно-психологической лабораторией этого института. В 1929–1931 годах — заведующий кафедрой экспериментальной психологии.

в детский сад «для сопровождения утренней зарядки уроков физкультуры и различных праздников в детском саду».

Через два с половиной года волнения о педологии в системе отделов кадров улеглись, и психологов стали принимать на работу обратно.

В довоенной жизни мама была преподавателем Педагогического института имени Герцена, читала лекции студентам, писала статьи и брошюры, в том числе о том, что может, а что не может человек с точки зрения психологии.

Война застала нашу семью в разделенном состоянии: мы с братом под надзором нашей бабушки были на даче под Невелем. К началу июля мы ждали маму, оканчивавшую семестр в институте. 22 июня, сразу после того, как стало известно о начале войны, мама, вопреки дружным протестам всех знакомых и родственников, дала телеграмму «молнию» (с доставкой): «Немедленно возвращайтесь, бросьте все». Бабушка нас схватила, и на третий день войны, проскочив бомбежку немецких самолетов на станции Невель, мы были в Ленинграде.

За первые два дня войны мама, числясь сотрудником пединститута, согласилась стать начальником группы школьников 25–30 человек для пионерского лагеря, которого в числе многих таких сборных групп отправляли из города, опасаясь бомбардировок.

Так удачно получилось, что встретив нас с братом, мама уже на следующий день вместе с нами и со всей доверенной ей группой школьников выехала из города. Место назначения было в нынешней Новгородской области на берегу реки Мста в 25 километрах от железнодорожной станции Бурга. На станции нас встретили 25 подвод, и к вечеру мы все добрались до места. Никаких специальных помещений для нас не было, и трое взрослых и 27 ребят разместились по избам.

Для обеспечения едой по указанию председателя колхоза переделали обычную баню. Банные котлы сняли, на остатках топки соорудили плиту. Умудрились с деревенским народом установить доверительные отношения, в деревне тогда уже были только женщины и старики.

Вся организационная часть работы была выполнена так, что жизнь лагеря шла нормально. Однако обстановка в деревне была тревожная. Над нами пролетали немецкие и наши самолеты, кто-то (явно чужой!) вытаптывал тропинки в посевах ржи, говорили о диверсантах. Официальные сводки, получаемые по радио, не успокаивали.

На 25-й день жизни лагеря к вечеру через деревню на восток проходил военный отряд. Командир обратил внимание, что в деревне много детей, и потребовал старшего над ними. Прибежала мама, и командир ей сказал: «Немедленно уходите, завтра здесь будут немцы». Анна Александровна не стала ничего выяснять, а побежала организовывать отъезд.

Той же ночью, в четыре часа утра, лагерь отправился на железнодорожную станцию (25 км). Председатель колхоза смог дать только три подводы. В составе лагеря было пять детей младше десяти лет и трое родителей, которые приехали самостоятельно в предыдущие дни за своими детьми

и при этом разбили ноги до такого состояния, что ходить они практически не могли.

Вся группа под руководством и надзором Анны Александровны прошла 25 километров до станции с одной остановкой. На следующий день Анна Александровна организовала три товарных вагона, и к вечеру мы прибыли на товарную станцию Московского вокзала. Это был самый конец июля – начало августа 1941 года. В ходе этих событий мама получила первый урок юридической и личной ответственности за жизнь порученных ей детей и взрослых.

Вернувшись, она определилась с ситуацией на своей работе. Институт находился в процессе эвакуации. Общая перспектива в самом Ленинграде была очень неопределенная и тревожная, чувствовалась возможность наступления бедствий.

В этих условиях мама, помня личный опыт 1919–1920 годов, не пыталась эвакуироваться и ориентировалась на свое личное мнение, что советская власть никогда не оставит в беде детей. Она поступила на работу воспитателем в детский сад в Петроградском районе на Съезжинской улице. Там ее охотно приняли, поскольку в этом детском саду ее знали: она проходила там практику со студентами. Так начался период работы Анны Александровны непосредственно в детском саду.

Одновременно после возвращения со своим лагерем в Ленинград Анна Александровна, стремясь максимально помочь фронту, пошла работать добровольной сандружинницей в ближайший к дому госпиталь, находившийся на углу улицы Плеханова и переулка Гривцова. Ее назначили дежурной помощницей санитарки отделения. Однажды сменившаяся с дежурства Анна Александровна, несмотря на объявленную воздушную тревогу, вместе с другими сменщиками вышла на переулок Гривцова и пошла к Мойке. Впереди в нескольких метрах шел сменившийся сотрудник их смены. Как раз тогда в госпиталь попала бомба.

Масса осколков и камней перелетела через маму, не задев ее. А идущему впереди сослуживцу перебила ноги. Мама помогла донести его до госпиталя, а там после взрыва бомбы было чрезвычайное положение, полыхал пожар.

Домой Анна Александровна пришла еле-еле через четыре часа. От гибели или страшных ранений ее спасли всего несколько шагов. А если бы она, послушавшись сигнала воздушной тревоги, задержалась в госпитале, она бы погибла точно...

Жизнь детского сада, описанная моей мамой, была типичной для всех детских садов блокадного города. Все они примерно одинаково «подстроились» под те условия, в которые попали, соответственно, везде были примерно одни и те же проблемы и одного же свойства.

Несколько пояснений. В данном контексте слово «дошкольница» в профессиональной среде педагогов, психологов, медицинских работников и т. п. означало специалиста, работающего с детьми дошкольного возраста.

Каждый детский сад по сути своей работы, хотя и имел постоянную связь со своим начальством, являлся замкнутым «миром».

Вскоре после начала войны были разработаны и утверждены положения об ответственности директоров, воспитателей и учителей детских учреждений за здоровье детей в условиях войны. Например, все дети, переданные родителями в детский сад, должны были быть в бомбоубежище не позже пяти минут после объявления воздушной тревоги. Если после этого срока кто-либо из детей получал повреждения — царапины, ранения и т. д., на ответственных автоматически заводилось дело и передавалось в трибунал.

Помещения детских садов (наряду со всеми другими помещениями города) также силами работников были подготовлены к борьбе с пожарами. В двухэтажных постройках на чердаках были установлены по четыре больших ящика с песком для тушения зажигалок и четыре-шесть щипцов для хватания зажигалок. Во время тревог на крыше должны были находиться два дежурных. Как это обеспечить при реалиях той жизни детских учреждений, никто не объяснял.

Самой тяжелой нагрузкой в то время для жителей Ленинграда была недостаточно полная информация о том, что происходит в городе и на фронтах и к чему надо готовиться. Очень много было разных слухов и сплетен, в том числе провокационных. Официальные сводки определенно говорили об оставленных городах. Даже подготовка Ленинграда к возможному приближению немцев проводилась без объяснений и скрытно.

За произнесение слов «оставим», «отошли» «окружение» можно было угодить под трибунал «за распространение паники». В этих условиях Анна Александровна, опять-таки ориентируясь на свой личный опыт выживания во время Гражданской войны, провела подготовку нашей семьи к бытовым бедствиям. Прикупила дрова, починили замок на дровяном сарае, дополнительно утеплила окна и двери в одной комнате, выходящей окнами во двор.

В квартире осталась только одна наша семья: мама, отчим, я с братом (мне было десять лет, брату 12), а также домработница (ей некуда было уходить). И все переселились со всем бытом (сон, мытье, подготовка еды, занятия мужа-профессора и т. д.) в одну «утепленную» комнату. Остальные комнаты не отапливали. Пока ажиотажа по «буржуйкам» еще не было, кровельщики института (а наша квартира числилась жилплощадью института имени Герцена) за три рубля изготовили комнатную печурку. Трубу от нее протянули к окошку и вывели на улицу.

Мы собрали все имевшиеся зимние вещи, теплое белье, варежки, валенки, шапки, одеяла, ковры и прочее, что может помочь сохранить тепло. На свалке мама нашла развалившуюся кадку, собрала и укрепила ее, а внутри оббила ватником с клеенчатым чехлом и сделала круглую подушку-крышку. Получился термос, в котором приготовленные завтрак и обед оставались горячими очень долго.

Где-то мама успела купить бутылку олифы и две плитки столярного клея. Однажды вдруг она услышала, что на Конюшенной площади (в конюшне)

продают по дешевке жмыхи. Мама схватила три имеющиеся большие наволочки и к концу дня притащила три наволочки жмыхов.

При введении карточной системы в Ленинграде было установлено, что первый месяц этого режима столовые, кафе и рестораны работают без предъявления карточек. Мама перевела всю семью на трехразовое питание в столовой, а выкупленные по карточкам продукты — крупу, консервы, макароны, постное масло и другие выдерживающие хранение продукты — запасала.

Но даже несмотря на все принятые меры, в чрезвычайно морозную зиму 1941—1942 годов в нашей «жилой» комнате приходилось находиться в пальто, валенках и шапке. На ночь их снимали, но остальную верхнюю одежду оставляли и накрывались двумя одеялами.

Нашей семье очень повезло тем, что наша квартира находилась на территории пединститута имени Герцена, где во время войны был огромный госпиталь. Когда у нас перестал действовать водопровод, то в одном подвале госпиталя в свободной доступности остался кран, который позволил в том числе нашей семье не ходить за водой на Неву. Мы в это время лица и руки не мыли, а вытирали мокрой тканью, раз в неделю тело вытирали мокрым полотенцем. Посуду не мыли, а только вытирали. Повезло, что плохо выносимые морозы начались только в ноябре...

В октябре — ноябре 1941 года детские сады полностью перешли на блокадный режим работы. Они обслуживали 100—150 детей силами полутора — двух десятков взрослых. Но теперь на ночь в детском саду оставалось 30—50 детей, чьи родители работали круглосуточно или в их квартирах были выбиты стекла и т. д.

Первое время в начале бомбежек ночующие в детском саду дети вечером укрывались в бомбоубежище, где оставались до утра. Однако к декабрю ночевать стали непосредственно в помещении детского сада. С детьми ночью была дежурная воспитательница и две няни (кроме находящегося на казарменном положении в детском саду директора учреждения).

Для обеспечения питания детей и взрослых сотрудников детского сада и их родных детей в начале каждого месяца их продовольственные карточки сдавались директору детского сада и клеивались в месячный отчет. Ситуация осложнялась тем, что по разным причинам до нескольких десятков детей посещали детский сад нерегулярно. Родители не приводили их в очень сильные морозы, по-разному складывалась занятость родителей на их производствах. Питание для отсутствующих детей выдавалось на кухне детского сада их родителям раз в день — вся дневная норма.

Учреждение, в которое ежедневно из детского сада ездили за продуктами для кормления детей, называлось «база» и имело мистический ореол. Никто не знал и не мог угадать, что и когда сегодня оттуда привезут. В самые тяжелые дни заявки детского сада отоваривали с заменой заказанных позиций, но был один или два случая, когда вообще ничего не привозили. Потом как-то компенсировали. Но детей-то хоть крошкой покормить надо было сейчас. Это были катастрофические случаи.

Иногда помогал «неприкосновенный запас» бомбоубежищ — сухари. Но официально их нельзя было использовать не по назначению — подобное нарушение грозило трибуналом. На базе если было чего давать, то детским садам давали без очереди.

По-видимому, на базе были какие-то свои, нам неизвестные указания, в результате которых иногда детским садам выдавали какие-то крохи даже тогда, когда другим, взрослым получателям не выдавали ничего.

Это было подмечено получателям продуктов на базе, и к детскому саду Кировского завода для питания прикрепили несколько ответственных работников из администрации предприятия. Непосредственно к детскому саду они не имели никакого отношения. Довольно быстро появилось решение райкома партии об отмене этого прикрепления и о недопустимости таких действий впредь. Сразу же аналогичное решение последовало от обкома партии. Теперь это было обязательно для всего Ленинграда.

В конце октября — начале ноября 1941 года в детском саду отключили воду и электричество, а морозы крепчали. Единственным теплым помещением в детском саду оставалась кухня. Дрова для нее как-то удавалось достать, но напилить и наколоть надо было самим. Рядом с кухней была так называемая раздаточная комната, которая получала от нее чуточку тепла. Над кухней на втором этаже было так называемое «зало». От кухни оно получало «теплый пол». Хоть что-то...

К вечеру, как только поварахи кончали трудиться за плитой, приготовив для мытья котел с водой, в кухню приводили пять — семь детей из тех, которые не ходили домой и ночевали в детском саду. Старательно закрывали все двери и окна, по одному детей быстро раздевали, обтирали полотенцем и теплой водой, быстро вытирали и одевали. Это обмывание для ночующих в детском саду детей проводилось регулярно.

После этого вокруг плиты и рядом ставили раскладушки для детей и взрослых. Рано утром их будили повара.

Раздаточная комната и «зало» тоже использовались для ночлега взрослых и детей. Ночью дежурный воспитатель и нянечки регулярно каждый час обходили весь спящий детский сад.

Обычно днем в детском саду царил изнуряющий всех холод. Таким образом, естественно, вся жизнь детского сада вертелась вокруг кухни, где было тепло.

Однажды в конце ноября Анна Александровна пошла на очередное ночное дежурство и взяла с собой полученные на декабрь карточки — свою и детей. Ночью дежурившая с ней няня, недавно принятая на работу, украла у нее карточки и исчезла. Найти ее не удалось.

В тех условиях потеря карточек означала смерть. Но заведующая детским садом пошла на неслыханный риск. Она, не имея карточек, вписала маму и нас, двух ее детей, в раздаточную ведомость на декабрь. В случае обнаружения такого дела заведующей грозил трибунал. Она все это понимала, но спасла от смерти маму и двух ее детей.

Морозы ноября – декабря 1941 года, отсутствие наколотых дров, но, главное, отсутствие воды сделали положение детских садов критическим. Для поддержания жизни по минимуму в сутки детскому саду было необходимо порядка тысячи литров воды. Только на еду требовалось около шестисот литров. Мытье рук, лиц, тел, посуды, горшков, помещений – все определялось законами гигиены.

Воду брали в Неве у Петропавловской крепости. Для доставки воды раздобыли два сорокалитровых молочных бидона. Нашли большие санки (около 60 сантиметров шириной), и к ним привязывали бидоны. Заполняли бидоны черпаком. Перевозили воду в три этапа.

Первый – от проруби с окружающей ее ледяной горкой до основного льда реки. Второй – по льду с подъемом на берег. Это около четырех метров высоты – по крутой и неровной тропинке. Третий – по улицам от набережной Невы до детского сада около шестисот метров по кривым и горбатым протоптанным тропинкам.

Больше пяти «ходок» за водой не удалось сделать ни разу. Обычно хватало четырех. Как следствие: детям руки и лица вытирали мокрым полотенцем, посуду и горшки вытирали снегом. Главным было обязательно и регулярно проводить с детьми «очистительные» операции.

В воду для еды и питья доктор или медсестра что-то предварительно клали.

При раздаче поваром еды соблюдались приемы особо высокой аккуратности. Все от повара проходило через весы. Раздача в группах также проходила через весы. Каждый кусочек хлеба (обычно на одну еду – завтрак, обед, ужин – выдавали один кусок хлеба) взвешивали и при необходимости дополняли довеском. Почему-то дети очень любили получать хлеб с довеском.

После того, как разрезали хлеб, из-за его низкого качества на лезвии ножа всегда оставалась тоненькая пленка. Ее срезали и отдавали по очереди детям. На каждую еду в группе был один получатель этой пленки.

Как уже говорилось, в ноябре 1941 года до наступления тепла в конце апреля 1942 года дети большую часть времени сидели в групповых комнатах, при свете одной или двух коптилок, в уличной одежде. «Грелись» тем, что прижимались друг к другу. Воспитатели проявляли невероятно высокое педагогическое мастерство, привлекая детей к разговорам, размышлениям, отвлекая от мыслей о еде и периодически заставляли шевелиться, разминаться, чтобы согреться.

И так – четыре месяца! Три часа перед обедом, три часа после обеда, а также перед завтраком и после ужина перед сном...

В начале февраля 1942 года в Ленинграде были открыты так называемые «стационары», а по-простому – больницы, где помогали особо изголодавшимся людям. К таким относился и муж Анны Александровны – Александр Болтунов. Ему выделили путевку, но в ночь поступления в больницу с ним случился инсульт. Его все-таки взяли в стационар, но через два дня он там умер.

Группа сотрудников института имени Герцена, оставленная в Ленинграде для поддержания в сохранности помещений, взяла в подвале студенческой раздевалки вешалки, изготовленные из толстых и длинных досок, и сделали очень приличный гроб. Для перевозки на кладбище прислали специальные похоронные сани, по-видимому, еще дореволюционные, запряженные лошадью. В феврале 1942 года лошадь в Ленинграде на похоронах была наивысшим знаком уважения и почитания.

Траурная «колесница» проехала по Невскому проспекту и добралась до Большеохтинского кладбища. Его состояние тогда не вызывало особого доверия, но выхода не было, везде было так же. Гроб опустили в могилу, мама записала названия и номера аллеи и, окончательно обессиленная, одна пошла домой. Однако ее сил хватило дойти только до Невы и перейти Большеохтинский мост. Анна Александровна присела на тумбочку у моста, через некоторое время ей стало приятно сидеть, она поняла, что замерзает и засыпает. Ею овладело безразличие. Темнело. Вокруг никого не было.

Внезапно маму буквально пронзила мысль о ее детях. Она зашевелилась, попыталась встать, но не смогла. Ее охватила паника. Вдруг появился случайный прохожий, какой-то военный. Она попросила его помочь ей подняться. Он помог маме встать и сделать два первых шага, а потом ушел своей дорогой. Мама смогла идти и через два часа была дома.

На следующее утро она обычным порядком пошла на свою работу, а мы, ее дети, остались ждать ее дома. Всю историю своего возвращения с похорон мама рассказала нам сама на следующий день после возвращения.

Спустя несколько месяцев, летом 1942 года, мама попыталась найти могилу мужа, но не смогла. Работники кладбища сказали, что, вероятнее всего, могилу раскопали вскоре после похорон, чтобы украсть хороший гроб...

В середине апреля 1942 года маму назначили заведующей другим детским садом Петроградского района, расположенным на улице Скороходова (ныне Большая Монетная улица), 12 (сегодня 12А). По действовавшим тогда правилам, заведующая детским садом должна была находиться в детском саду постоянно, на казарменном положении. Поскольку после смерти отца мы с братом остались одни, маме разрешили взять нас с собой в детский сад. Для такой жизни пригодилась бездействующая душевая комната.

Как заведующей детским садом, Анне Александровне кроме обычных («штатных») задач, предстояло очистить помещения и территории детского сада от последствий зимы, обеспечив санитарно-гигиеническую безопасность. Надо было провести подробный медосмотр детей. Необходимо было подготовить детский сад к летнему периоду и к следующей зиме, установить печи, запастись дрова.

Трудностей оказалось немало. Поскольку от обстрелов и бомбежек дом очень трясло, обнаружилось большое число различных трещин, сколов, дефектов пола. Много пришлось замазывать. Уборка территории была значительно осложнена тем, что к территории снаружи примыкал большой

старый кирпичный сарай, в котором накопилось еще с мирного времени много мусора и посторонних вещей, вызывающих протесты санитарных инспекторов. Они понимали, что это не территория детсада, но и непосредственно рядом с ним такая зараза была недопустима.

Рядом, с другой стороны детского сада, была лужа (пруд?) примерно пять на десять метров. И все пространство лужи и ее берега были превращены в зловонную свалку. Детвора всегда там что-то искала и находила. Один раз дети нашли там армейскую саблю...

Уборка кирпичного сарая случилась следующим образом. Однажды Анна Александровна шла по улице вслед за какими-то двумя флотскими офицерами. Они между собой говорили что-то о необходимости раздобыть кирпичи. Анна Александровна окликнула их и спросила, не подойдут ли кирпичи «нашего сарая»? Офицеры заинтересовались, посмотрели сарай, и на следующее утро отряд матросов разобрал на кирпичи весь сарай и даже подровнял оставшуюся после него площадку.

Свалку у лужи пришлось убирать, спихнув в нее с берега все, что было с боков и со стороны детского сада. Вода все закрыла. Оставшуюся с дальней стороны свалку подровняли и присыпали землей. Санитарный инспектор, хорошо понимавшая возможности детского сада, работу приняла.

Совсем другого типа бедствия возникли после зимы. При снижении морозов с обычных 25–30 до 10–12 градусов истощенных детей начали выводить на прогулки — сначала на 15 минут, потом на полчаса, потом, при повышении температуры до нуля — гуляли по часу. Условия в группах были такие, что, естественно, дети всегда были голодными и мерзли. Все искусство воспитателей было направлено на то, чтобы дети максимально двигались или хотя бы шевелились. Особенно на улице. Надо было следить, чтобы голодные дети не грызли и не лизали сосулек. А когда сошел снег и полезла из земли разная трава, голодные дети тащили все в рот и жевали. Кроме того, дети активно искали и подбирали с земли осколки бомб и снарядов, которые были с острыми и рваными краями. Попадали в их руки даже патроны!.. Так что напряжение у воспитателей было очень большое, а сил мало.

К концу апреля весь состав работников детского сада имел все признаки дистрофии в большей или меньшей степени. Все движения выполнялись с волевым усилием, чего у здоровых людей нет. Царапины и незначительные ранки, порезы заживали очень медленно. Например, мама в ноябре 1941 года схлопотала порез на пальце левой руки, и рана никак не заживала. Это продолжалось до конца апреля 1942 года. Сгнила и практически исчезла до сустава фаланга пальца, но рука обычную нужную бытовую работоспособность не потеряла, хотя на фортепьяно и на скрипке Анна Александровна играть уже не могла.

Вследствие такой всеобщей слабости работы по водоснабжению и заготовке дров шли очень тяжело. Ведь для нормальной работы детского сада нельзя было эти заготовительные работы недовыполнить, отложить на завтра. Можно только с гордостью отметить, что за весь период около

*Эти осколки
зенитных
снарядов
Дмитрий
Сергеевич
Люблинский
хранит как
память. По его
словам, во время
блокады и после
нее такие
предметы были
в «арсенале»
каждого
ленинградского
мальчишки*

двух лет не было ни одного случая задержки кормления детей из-за нехватки воды или дров.

После первой блокадной зимы, 1941–1942 года, воспитанники детского сада были очень тощие, но ни одного не потребовалось отправлять в больницу на лечение от голода и его последствий...

Территория детского сада была огорожена забором, состоявшим из деревянных решеток. Зимой забор сожгли. Теперь территория была ничем не ограждена, и воспитатели должны были постоянно пересчитывать детей. Еще одна нагрузка!..

Главнейшей работой лета 1942 года была подготовка к зиме. Городское руководство детскими садами указало, что предстоящей зимой дети должны находиться в игровых комнатах-спальнях без пальто. Это значило, что в группах и в спальнях температура воздуха должна была составлять не меньше 20 градусов, а в коридорах и вестибюле – не меньше 15 градусов. Штатная отопительная система была рассчитана на работу от каменного угля, запустить ее было невозможно.

Поэтому требовалось дополнительно утеплить групповые комнаты, коридоры и вестибюль. В каждой «групповой» комнате установили надежный источник тепла – печку, а трубу ее вывели через перекрытия и стенки на чердак и сквозь крышу. Все это нужно было тщательно оборудовать. Собственными силами сотрудников детсада это было сделать невозможно. Поэтому районные службы помогали и финансами, и материалами,

а также присылали специалистов. Но основную часть работ приходилось все-таки выполнять сотрудникам детского сада.

Для решения проблемы с дровами райисполком выделил детсаду двухэтажный деревянный восьмиквартирный дом по противоположной стороне улицы Скороходова, по которой числился и детский сад. Его работники разобрали дом и напилили-накололи необходимый запас дров, причем без всяких травм и болезненных последствий, только благодаря исключительно собственной осторожности и указаниям привлеченного специалиста-строителя. При этом ежедневная «штатная» работа с детьми ни разу не приостанавливалась.

Когда сошел снег и вылезла первая зелень, мама организовала сбор крапивы для добавки в еду. Причем занимались этим сами дети. Крапиву для малышей мыла повариха, старшие ребята мыли крапиву сами.

В это время в Ленинграде широко развернулась организация огородов во всех садах, скверах и парках города. Мама очень переживала, что сил на создание своего огорода в детском саду не было.

Чтобы эмоционально расшевелить детей после ужасов первой блокадной зимы, мама договорилась с зоосадам, и в мае—июне к нему привезли живых зверей. Ослик был запряжен в тележку, на которой в клетках были обезьянка, черепаха, белый петух и попугай. Всеобщий восторг вызвало то, что ослика и черепаху можно было даже потрогать!.. Сопровождавший зверей сотрудник зоопарка около часа рассказывал ребятам о питомцах. После всего того, что ребятам довелось пережить, появление в детском саду зверей, о которых ребята знали только по сказкам и книжкам, запомнилось надолго.

В Ленинграде продолжалась эвакуация детей. Семьи с тремя и более детьми подлежали безусловной эвакуации. По желанию родители могли ехать вместе с детьми, но могли и остаться. Если в семье было двое детей, то вопрос отъезда решался отдельно для каждой семьи. Маме ввиду важности работы и относительной устроенности нас, ее детей, в детском саду разрешили не вывозить нас из Ленинграда. Но в детсаду подобралось около тридцати других ребят, которые с начальником этой группы, из воспитателей, были эвакуированы водным путем по Дороге жизни.

Первая блокадная зима показала, что коллектив детского сада способен обеспечить выживание детей в самых невыносимых условиях. Изменились даже отношения самих сотрудников по сравнению с мирным временем. Люди стали меньше разговаривать друг с другом — просто некогда было, одновременно стали больше доверять друг другу и надеяться друг на друга. Между многими возникли дружеские отношения, которых прежде не было. Также люди стали более чувствительны к замечаниям по работе и особенно к форме этих замечаний. Чтобы сгладить возникавшие трения, Анна Александровна стала с конца 1942 года выпускать в детском саду стенгазету «Колобок».

В ней рассказывалось, как Колобок выскочил из печки, закатился в детский сад и поразился порядку и аккуратности, которые он увидел. Хотя он и заметил мелкие огрехи: швабры не почищены, веник для валенок стоит далеко от входа — так, что до него не дотянуться.

Каждый номер «Колобка» посвящался обычно одному помещению. Работницы детского сада (все были женщины) на «Колобка» не обижались.

К осени 1942 года, когда стало понятно, что Ленинград выстоял, и хотя враг еще силен, но надо еще подкопить сил, и он обязательно будет сломлен, мама решила зафиксировать то, что довелось пережить в осажденном Ленинграде. Тем более что эмоциональная память о пережитом была еще очень свежа. Отдельные наброски она делала еще прежде, но теперь подготовила цельный текст. Он отражал события до января 1943 года, то есть до прорыва блокады.

Анна Александровна описала жизнь только одного детского сада блокадного Ленинграда. А их в осажденном городе было несколько сотен. Разговоры со знакомыми, передачи разговоров с начальством детских садов и неумолимая статистика болезней и смертей говорит о том, что во всех ленинградских детсадах ситуация была примерно похожей.

Работники детских садов своим трудом спасли доверенных им детей — и это был их самый главный вклад в Победу над врагом.

О причудах памяти.

Природа, сохранив нас, переживших блокаду, сделала так, что эмоциональная сторона восприятия событий постепенно тускнеет. Сегодня, спустя 80 лет после тех событий, каждый из нас ничего не забыл, однако жгучая эмоциональная часть воспоминаний уже не мешает работать, размышлять. Жизнь людей после Великой Отечественной войны, наверное, была бы невозможна, если бы не было такого мощного свойства защиты от немислимого, но увиденного. Сейчас к таким воспоминаниям я стараюсь обращаться реже, они вызывают горестный туман, где-то даже помогают ориентировать жизнь, но не мешают работать.

Что касается героизма. Согласно словарю Ожегова, это понятие означает отвагу, решительность и самопожертвование в критической обстановке. Это соответствует тому, что переживали и как трудились работники детских садов Ленинграда во время блокады, особенно до лета 1942 года. В тех условиях, какую бы работу они не выполняли, она так или иначе была героической — совершая рейды по «мертвым» квартирам в поисках живых детей, успокаивая детей в бомбоубежище во время воздушной тревоги или обеспечивая детский сад водой из Невы...

Однако ни один работник детского сада при награждении его медалью «За оборону Ленинграда» не сказал, что чувствовал себя героем. Они говорили: «Мы делали обычную, но очень нужную работу, было очень тяжело, но всем было тяжело. Заменить меня было нечем, а сделать только

часть работы я не мог. Мне помогало то, что я работал непосредственно для детей. А за медаль – спасибо».

Одним словом, это было сознательное массовое проявление героизма, который героизмом никто просто и не воспринимал. Подобное поведение в чрезвычайных условиях было само собой разумеющимся. Подозреваю, что подобные качества в наших людях никуда не делись, и в случае возникновения подобных условий (не дай бог, конечно!) снова неизбежно проявятся...

Современного читателя, наверное, удивит стиль «записок», который может показаться сегодня избыточно пафосным. Однако дело в том, что, по-видимому, Анна Александровна писала, во-первых, чтобы люди, не знакомые с этой частью жизни Ленинграда, узнали бы и поняли, как выживала эта структура и ее люди, чего стоило уберечь детей детских садов от гибели и даже от клинической дистрофии. Во-вторых, чтобы читателям было понятно, что детские сады получали помощь и поддержку от административных и партийных организаций Ленинграда. То есть заведующая детским садом всегда знала, куда ей обратиться за решением того или иного вопроса, и была уверена, что там ее выслушают и помогут. Даже просто моральная поддержка в тех условиях была исключительно ценной.

Она считала своим долгом хоть как-то зафиксировать то, что реально происходило в Ленинграде в самый тяжелый период блокады. По-видимому, Анна Александровна не исключала в дальнейшем возможности напечатать эти записки. Поэтому в них и содержатся элементы привычного для того времени идеологического пафоса, который в то время был совершенно естественным и никого не смущал.